

Юрий Райн

Бестиарий спального района

«Центрполиграф»

2011

Райн Ю.

Бестиарий спального района / Ю. Райн — «Центрполиграф»,
2011

Обычный спальный район огромного города. Гастарбайтеры метут двор, мент привычно собирает дань, сантехник починяет трубы. Вроде бы заурядные жители окраины большого города. Для нас – людей. А друг для друга они джинн, потерявший мощь, шиш, утопленник. Настанет день – и сойдутся они вместе, чтобы вернуть джинну его страшную силу.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	10
Глава 2	16
1	16
2	18
3	19
4	19
5	20
6	20
7	21
8	21
9	21
10	22
11	22
Глава 3	24
Глава 4	31
1	31
2	32
3	34
4	35
5	36
Глава 5	38
1	38
2	39
3	41
4	42
5	43
6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Юрий Райн

Бестиарий спального района

Автор благодарит Льва Рыжкова за массу идей и советов при написании этой книги.

Часть первая

Соавторы: старт

Виновод. Понедельник, 15:47

Он долго стоял под прохладным душем. Который это сегодня по счету – пятый, кажется? А, лень считать...

Вытираться не стал. Натянул трусы на мокрые чресла, прошлепал на кухню, вытащил из холодильника очередную бутылку пива, скovyрнул крышку и, глотая на ходу, двинулся на балкон.

Пожмотил кондишн установить – теперь страдай. Хорошо хоть, на работу ходить не обязательно – слава богу, сам себе хозяин. И правильно сделал, что не пошел. С ума сойти можно, как подумаешь, что надо выходить в эту геенну огненную. Нет, дома все-таки легче.

А от работы не убудет – в крайнем случае сотрудиички позвонят. Которые там маются. Пусть маются, им за это деньги платят... На случай некрайний – вон, компьютер стоит, Интернет подключен, можно и поработать. Вот только не хочется...

В Клуб зайти, что ли? Ага, можно. Литературный Интернет-Клуб, подумал он, отрада дней моих суровых. Там, правда, сейчас тоже сонное царство. Наверняка. Нет, неохота.

Написать туда рассказик? Вот это, пожалуй, можно. Не торопясь, пивко потягивая, со вкусом, в общем. Коротенький такой рассказик. На длинный сейчас сил нет.

Сигаретку только сначала выкурить, тут, на балконе. В комнате лучше не курить. Жена с детьми, правда, на дачу сбежала, но все равно. И так дышать нечем...

Курить вообще-то не очень хотелось, но как пить пиво без сигареты, он не представлял. Поэтому закурил. Принялся смотреть во двор.

Народу совсем мало. Смуглый парень в оранжевом жилете на голое тело копошится под стенами дома. Мелкий мусор собирает, в тачку бросает. Под таким солнцем... Впрочем, узбеки привычные. Или таджики, без разницы...

Вот Вася бредет по двору наискосок. Ей-богу, призрак какой-то, а не человек. Костлявый, безмозглый призрак под два метра ростом. Глядит строго перед собой, ничего вокруг не замечает, ничего не соображает – это и издали видно. В пиджаке своем вечном, драном и вонючем... Кошмар...

Пиво допилося, сигарета догорела до фильтра. Он примерился швырнуть окурок вниз – оранжевый и подберет, – однако в последний момент передумал. Нехорошо. К тому же из-за угла дома показался другой оранжевый, тоже то ли туркмен, то ли киргиз – кто их разберет, – но властного такого вида, значительного. Горланно сказал что-то первому, потом голову кверху задрал, взглядом по балконам полоснул.

Пришлось тащиться на кухню, тушить бычок в раковине, совать в ведро. Впрочем, не зря сходил – очередную бутылку пива из холодильника извлек.

По другой диагонали двора старуха ковыляет. Незнакомая старуха. Тоже, похоже, больная на всю голову. Платок повязала, кацавейку какую-то нацепила, корзину тащит... Чистая Яга.

Все, больше никого. Нет, вот еще милиционер мелькнул. Распаренный весь, неопрятный. Мелькнул и исчез.

В соседнем дворе – его краешек просматривается – работяги в котловане копошатся. Когда-то, давным-давно, на этом месте коровник стоял, теперь будет магазин шаговой доступности. Мужики опалубку под бетон готовят. Несчастные.

Вернулся в комнату, сел за компьютер. Рассказик, значит... Что бы такого изобразить?

С ходу не придумывалось. Это не страшно, надо просто пересестись в кресло – нечего пока у компьютера делать, – глотнуть пивка, расслабиться, глаза закрыть. Все само придет. Алкоголь, в умеренных если дозах, он способствует. И сюжет родится, и слова лягут... Конечно, лучше бы вина, оно креативнее, особенно красное. Или коньяку. Очень к философии располагает. Можно бы и водки – какой дурак, кстати, сказал, что в жару водка не идет? Очень даже идет, если холодная. Только от водки на подвиги тянет. Или на безобразия, это смотря сколько выпьешь.

Да, что бы ни пить, главное – не перебрать, а то вместо рассказика протокол получится. Из милиции. Как говорится, имеем опыт...

Впрочем, сейчас – только пиво. Ледяное. И чтоб все пристойно!

Он задремал. В голове что-то неспешно проворачивалось. То картинки из жизни южного города, лет так сто назад, то почему-то танковые колонны, прорывающие чью-то оборону, то причудливо искаженные эпизоды времен конца перестройки – замызганное кафе, какие-то тяжело глядящие друг на друга люди. В общем, чепуха всякая.

Очнулся от внезапно сгустившейся тьмы за окном. Как можно проснуться оттого, что стало темно, он не понимал, но точно знал – разбудило его именно это.

Он потряс головой, глотнул пива – нагреться еще не успело, значит, кемарил недолго. Что ж темно так? Гроза, что ли, откуда ни возьмись надвигается?

За окном что-то зашелестело. Он повернул голову и увидел, как со стороны балкона штору отодвигает большая темная ладонь. Сердце зашлось и почти остановилось, он хотел крикнуть и не смог. Ладонь исчезла. Привиделось, ффу... Но беззвучный ветерок снова открыл штору, и за стеклом показалось лицо, бессмысленное лицо, похожее на Васиного, только чуточку зеленоватое.

Там же не балкон, в панике подумал он. За этой створкой окна никакого балкона нет. А этаж, между прочим, двенадцатый...

Лицо исчезло. Следовало встать, посмотреть, но никаких душевных сил на это не было. Сердце теперь бешено колотилось, руки-ноги противно дрожали, во рту пересохло.

Однако безумно хотелось курить, а сигареты лежали на подоконнике. Деваться некуда – пришлось собраться, встать, подойти к окну. Не выглядывая за штору, нашарил сигареты, зажигалку, закурил, два раза с силой затянулся – и решил.

Зря решил: с темного неба прямо к нему на балкон пикировала давешняя бабка с корзиной, прикрываемая сзади-справа потным расхлюстанным милиционером. Снизу, со двора, донесся гортанный окрик на незнакомом языке, парочка заложила вираж, отлетела в сторонку, взмыла вверх и снова ринулась в атаку.

Тьфу, подумал он, направляясь под очередной душ. Надо же, с пива, и чтоб так повело... Вот тебе и рассказик. А с другой стороны, оно, может, и к лучшему. От этих рассказиков толку – ноль. Самолюбие, конечно, тешит, когда в Клубе тебя хвалят. Но не более того.

Роман бы написать, размышлял он, стоя под струей воды комнатной температуры. Вот что там, в первой дремоте, виделось? Начало прошлого века, приморский город, потом война – танки, огонь, дым, пыль, грязь, голод и холод, – потом бандиты уже конца века... Может, это роман о двадцатом веке? Ого! Честно говоря, даже о-го-го... Амбиции не по возможностям...

В соавторстве с кем-нибудь, может, еще бы и ничего. С кем? Гипнапомпа пригласить? Псевдоним, то есть ник, странный, зато фантазия у мужика – это что-то... Ладно, обдумать требуется...

С бутылкой в руках он подошел к компьютеру. В правом нижнем углу экрана мигал желтый конвертик. Гипнапомп, легок на помине, требовал связи через почтовую программу.

Гипнапомп. Понедельник, 15:47

Он помедлил в относительно прохладном подъезде, выкурил сигаретку и наконец решился. Опасливо выдвинулся на улицу, зашагал в направлении сквера. Вспотел мгновенно. Ну и погода, дьявол ее разбери.

От гаражей, мимо которых пришлось проходить, несло горячим ржавым железом. Ну что за идиотизм – арендовать помещение в промзоне! Ладно бы еще обычная контора, а то ведь – журнал! Средство массовой информации! Пусть журнал и желтоватый, но ведь творческие же как-никак люди в нем работают. А их зимой по снежному месиву или по наледи ходить заставляют, летом же – словно через микроволновку...

М-да, причуды олигархов... Приспичило пельменному магнату занять собственную медиаимперию... На кой это ему ляд, неизвестно, тем более журнал-то однозначно убыточный. Может, в обществе блеснуть: не просто пельмени человек производит, а еще и медиабизнес у него. Ради того деньги на ветер и выкидывает. Ну так не сэкономил бы тогда на мелочах! На редакционном помещении не сэкономил бы!

Спасибо хоть скверик недалеко, посидеть можно, отдышаться после дурацкого совещания, на котором магнат традиционно орал матом и брызгал слюной, а остальные обливались потом. На кондиционер-то пельменичник тоже посподсиделся.

Посидеть, значит, в тенечке, прохладительного чего-нибудь попить. Жалко, пива нельзя, ибо в глухой завязке. Ладно хоть колы какой-нибудь... Лишь бы похолоднее...

В киоске, что по дороге к скверу, слава богу, нашлась возжеленная холодная кола, а в самом сквере свободных скамеек оказалось полным-полно. Сел, присосался к напитокку. Потом вынул сомнительной свежести платок, вытер лоб и шею. Немного полегчало. Закурил, откинулся на спинку, задумался.

Сейчас посидеть тут, скажем, часок – и домой. Там душ, наверное, принять, потом пожрать что-нибудь... Опять яичницу придется, Милка-то в Тамбове, у родителей, в субботу только вернется. А и черт с ней, с яичницей, все равно аппетита никакого.

Кстати, что Милки нет, оно даже к лучшему. Что-то о женитьбе заговаривать начала... В такую-то жару, с ума сошла...

Потом чаю холодного, да со льдом, компьютер включить, в Интернет-Клуб литературный зайти. После хоть и забавной, но по большому счету удручающе квазитворческой суеты на работе Клуб – это, можно сказать, отдохновение для измученной души.

Правда, вряд ли там сегодня что-то особо интересное происходит – все будто вымерли... Ладно, тогда написать туда что-нибудь. Новеллку небольшую. Сюжет уже складывается, только слова расставить.

В поисках дополнительных впечатлений для новеллки огляделся. Почти пусто в сквере. Лишь брела по направлению к нему пара, неторопливо так брела. Странная пара, даже издали показалось. Приблизились – разглядел. Не пара, тройка. Яркая, эффектная, одетая в мешковатый балахон из разноцветных лоскутков молодая женщина с плотно спеленутым младенцем на руках, чуть сзади смуглый мужчина во всем кожаном. Как им только не жарко?

Проходя мимо его скамейки, красотка вдруг повернула голову, взглянула, точно выстрелила – неприятно кольнуло сердце, – смуглый пробормотал что-то на непонятном наречии, женщина ответила переливчатой фразой, прозвучавшей, показалось, насмешливо.

Сквер снова опустел. Потом где-то в кустах истошно заорали коты. И не лень им? – вяло подумал он. Через минуту-другую коты опрометью пересекли дорожку – сначала рыжий, за ним черный, оба здоровенные – и скрылись в кустах напротив.

Посмотрел на часы. Скоро пять, а легче не становится, парит и парит. Что ж, еще сигаретку, и пора все-таки домой, хотя пошевелиться лень. А то, пожалуй, и не спешить – вот вздремнуть тут, в тенишке, как бы ненароком, глядишь, и концовка для новеллки придет. Он знал: вот так закемаршишь – почти обязательно что-нибудь да увидишь. Гипнамптией это его свойство называется, если по-научному...

Закурил, задумался. Там в конце должен быть такой поворот... Чтоб читатель мозги сломал! Крышелет чтобы!

Сигарета выпала из его пальцев – разморило все-таки. Голова опустилась на грудь, из уголка рта вытекла ниточка слюны.

В дреме привиделось что-то, к новеллке не относящееся. Какие-то балбесы – то четверо, то пятеро – носились по всей стране на манер неуловимых мстителей, только не мстили никому и не шпионили, а искали – то ли бесценное сокровище, заброшенное почему-то из будущего внеземной цивилизацией, то ли сокровенное знание, тоже неким загадочным образом связанное с гостями из космоса. Найти никак не могли, лишь фрагменты им попадались, да к тому же обманные – совсем не того фрагменты, что искали.

А потом все внезапно умерли. Короче, бред.

Вдруг что-то тонко, но мощно зазвенело. Он встрепенулся, поднял голову, утер слюну, помотал головой. Звон не прекращался.

Он был в скверике абсолютно один. И даже поток машин по обе стороны сквера совершенно иссяк.

И этот звон.

Отчего-то стало страшно.

Цыганка появилась словно ниоткуда. Она отдаленно напоминала ту яркую женщину с ребенком, но никакого ребенка с ней не было. А вот пристальный взгляд внушал безотчетный ужас и, казалось, выкачивал последние силы.

Встать, развернуться – и бегом, хоть домой, хоть даже обратно в редакцию! Нет, тело не слушалось.

Цыганка издевательски подмигнула, оскалилась – и исчезла.

А звон усилился.

На противоположном конце скамейки что-то завожилось, потом заверещало тоненько. Обмирая, повернул голову – перевязанный яркими шелковыми лентами сверток, а из него – плач младенца.

Желудок свело болью – это от страха, понял он. Превозмогая себя, придвинулся к свертку, протянул руку. Из свертка, как на пружинке, выскочил длинный мохнатый палец с кривым когтем, потянулся к его руке, застыл в каком-нибудь сантиметре. Потом невидимые когти, вроде кошачьих, полоснули по ноге.

Холод, казалось бы возделенный в такую жару, а на самом деле жуткий, мертвенный, чужой настолько, насколько что-нибудь может быть чужим живому человеку, – этот холод стиснул ему сердце, все вокруг померкло, а затем и совсем погасло.

...Он очнулся полулежащим на скамейке. С трудом сел. Под ногами валялись пустая бутылка из-под колы, пара окурков.

Уфф, надо же, сморило как... А насчет новеллки ничего в голову не пришло... Ладно, домой... Попить только еще взять...

Всю дорогу он безуспешно придумывал конец новеллки, а уже открывая дверь квартиры, вдруг скривился от отвращения: дался ему этот малый формат! Роман, роман писать надо! Вот о поисках этого самого сокровища... или знания... или чего там еще, вот об этом и напи-

сать. Простор-то какой, по всей России, да что по России, по всему миру героев погонять можно. А уж что искать – это придумаем, это пара пустяков.

Одно смущает: непростая это задача. Писать-то надо ох как аккуратно! Свести все тщательно, да и характеры выписать... А характеры выписывать – не интригу придумывать... Интригу придумать – это нам как делать нечего, а вот характеры... диалоги там всякие... детальки – мелкие, но придающие достоверность и шарм...

Да, по первому-то разу без соавтора не обойтись. Выводу предложить? С сюжетами у него так себе... воображения, что ли, не хватает... Зато типажи неплохо получаются, психология, детальки эти самые, то да се...

Решиительно включил компьютер, запустил почтовую программу, вызвал Вывода.

Глава 1

Два гастарбайтера

Как обычно, Мансур проснулся за полчаса до рассвета. Как обычно, первым осознанным ощущением нового дня стал запах газов, выпускаемых организмами двух таджиков, двух киргизов и одного армянина из Туркмении, снимавших эту двушку вместе с ним, Мансуром. И как обычно, первой за день пришла – на древнем языке, название которого он забыл, – нехитрая мысль: «Восточный человек – чистый человек. Не воняет, не потеет, даже мыться не обязательно. А газы – от еды. У восточного человека от русской еды всегда будут газы. И у русского человека тоже. Но у русского человека от всякой еды будут газы. А у восточного человека – только от русской. И еще от американской. А от восточной еды у восточного человека никогда не будет газов. Достану моим восточным людям барашка, достану риса, хорошего риса, коричневого, длинного, шербет достану, урюк достану, пусть кушают!»

Организм самого Мансура газов без специальной команды не вырабатывал, ибо Мансур был, хотя, без сомнения, и восточным, но – не человеком.

Он тихо встал, прошлепал на кухню, доверху налил и поставил на плиту большой желтый чайник с местами облупившейся эмалью, воспользовался сортиром и гортанно крикнул по-русски:

– Э! Чурки черножопые! На работу пора!

По-русски – потому, что кричать по-таджикски, по-киргизски и по-армянски получилось бы слишком долго, да и вообще утомительно. Разумеется, Мансур знал и эти языки, и еще, наверное, какие хуже, какие лучше, сто двадцать других – не считал, но наверняка не меньше, – однако в России, в ее сердце, ну, пусть не в самом сердце, а в спальном районе сердца, следовало говорить, кричать, шептать по-русски. Так он думал.

В комнатах зашевелились, а Мансур, прочно заняв ванную, почистил зубы, принял душ – просто чтобы освежиться, – причесался и приступил к важнейшей утренней процедуре – бритью. Эта шайтан-баба из ДЭЗа-шмеза требовала, чтобы чурки мели дворы чисто выбритыми, да и менты-шменты не любили, когда борода. Мансур полагал мудрым уступить здесь, чтобы выиграть в другом.

Хотя, конечно, терял он много. Ведь сбритые волосы значительно слабее выдернутых. Девять из десяти вообще оказываются холостыми, а один оставшийся – так, кошачьи слезы...

Брови, надо сказать, лучше сохраняли силу, но их приходилось жестко экономить – после бритья почему-то расти переставали. Мансур с неудовольствием посмотрел в зеркало. Вон как поредел... В ушах еще тоже волосы растут, буйно растут, но ушные волосы – они неправильные, от них никогда не знаешь, чего ожидать. И никакой «тох-тибидох» тут не поможет. Не говоря уж о «ляськах-маськах». Мансура прямо тошнило от такой профанации. Ай, глупые люди эти русские! Почти такие же глупые, как американцы!

Мансур в жизни не встречал американцев, но считал их самыми глупыми и вообще очень не любил.

Брился он опасной бритвой и всегда всухую. Мыльной пеной пользоваться, да хоть бы даже и водой лицо смачивать – это потом целый день возиться надо, чтобы отделить заряженные волоски от пустых.

Сбритое падало на газетку, которой Мансур выстелил раковину. Время от времени он приостанавливал бритье, клал на ладонь щепотку волосков, тщательно изучал их, некондицию сбрасывал в ванну, а кондицию складывал в пенальчик из-под зубочисток.

Ай, чего только эти русские не придумают! В зубах палочками ковыряться! У восточного человека пища между зубами никогда не застревает, у восточного человека пища вся в желудок попадает...

Но пенальчик полезный.

В коридоре поднялся гвалт: один из киргизов и туркменский армянин ссорились из-за очередности посещения туалета. Мансур на мгновение включил восьмое из девяти своих чувств, сразу все понял и грозно крикнул:

– Э!

Спорщики притихли.

– Пусть Вазген первым будет, – изрек Мансур, – он уже совсем никак терпеть не может!

Покончив с бритьем, Мансур сунул драгоценный пенальчик в карман рабочих брюк, поношенных, но чистых, прибрался за собой, посмотрелся в зеркало. Ну что – с длинными волосами и бородой внушительнее бы выглядел. И старше. А так – лет сорока, невысокий, худощавый, черноволосый, черноглазый, смуглый... Обычный.

Он вернулся на кухню, выпил не торопясь большую пиалу крепкого чая, за ней вторую и стал собираться. Заглянул в чулан – спецодежда, метлы, лопаты на месте, все в строгом порядке, – взял свой оранжевый жилет с надписью на спине «ДЭЗ № 22», аккуратно скатал его, завернул в газету и положил в старую, но прочную сумку из болоньи. Сунул туда же еще одну газету. Застегнул серую рубашку на все пуговицы, вбил ноги в стоптанные башмаки. Крикнул:

– Э! В ДЭЗ пойду, деньги брать буду! А вы с восемнадцатого дома начинайте, потом к шестнадцатому идите!

И вышел за дверь.

Уже вовсю светило и пригревало солнце. Улицы потихоньку наполнялись народом – кто в гараж спешил за машиной, кто на автобусную остановку. Это в основном те, кто на заводах работает, – там с восьми начинают, а то и раньше. А в конторах чаще с девяти. Ну, кому на машине в центр, тому, чтобы к девяти успеть, самое время выезжать. Как же люди себя истязают!..

Шайтан-баба, которая командовала дворниками и тянула с выдачей зарплаты, тоже являлась к девяти. Два часа еще впереди, но Мансуру хотелось спокойно посидеть на солнышке. Хорошее здесь место – на болоте построено, и свиноферма тут когда-то рядом находилась, и коровник. Для него – хорошее место. Родные места – вот только они и лучше.

Ему хватило пяти минут, чтобы добраться до ДЭЗа. Сел на корточках около залитой ярким солнцем глухой стены одноэтажного здания, замер. Задумался.

Ну что? Как живется, джинн? Неплохо живется, если правильно понимать.

Вспомнились тысячелетия, проведенные в глиняном сосуде. Какое бешенство наполняло и переполняло его тогда! Как неудержимо и как безнадежно мечтал он – найти бы эту старую пархатую сволочь Сулеймана ибн Дауда и эту гнусную кривоногую суку Бислик, родоначальников всех джиннов, творцов их противоестественных судеб, найти бы и... Особенно психовал, когда сосуд прятали в какие-то особые места, непроницаемые даже для седьмого, восьмого и девятого чувств. И как мучила тогда бессонница... Долгие века... От этого тоже ярость захлестывала, белая, раскаленная! Молодой был...

Потом память перепрыгнула – вот сосуд извлекают и выносят на свет сильные волосатые руки. Вот укладывают в седельную сумку. Скачут куда-то, стреляют, орут, рубят друг друга саблями. Вот в отчаянии выхватывают глиняный сосуд из сумки и что есть сил швыряют в полчища врагов. Сосуд раскалывается, он, Мансур, в исступлении взвизгивает ввысь, злорадно хохочет, устремляется вниз, на врагов, скачущих под кровавыми знаменами, нацеливает всю свою страшную силу, выпускает ее – и... ничего не происходит. Только жеребец под главным кровавознаменным чуть запинаясь. «Я же говорил тебе, Файзулла, что это бабские сказки!» – плачущим голосом произносит щеголеватый белобрысый всадник в мундире с аксельбантами. «Протух, отродье шайтана и шелудивой!» – оскалив зубы, бешено ревет в ответ чернобородый Файзулла, обладатель тех самых сильных волосатых рук. Его тюрбан пронзает пуля, и разлетаются его мозги, и он бессильно повисает на стремях.

Мансуру понадобилось всего несколько дней, чтобы осмотреться и вникнуть. Советская власть ему совсем не понравилась, а что чернобородым ей противопоставить нечего, он не сомневался. И решил уйти в горы – хоть немного отоспаться после многовековой бессонницы. Настроил себя проснуться, когда кончится эта власть (в том, что она ненадолго, тоже был уверен).

Проснулся. И правда, кончилась советская власть. Протухла, как и он сам. Только он-то, хоть и протух, не кончился.

Спустился с гор. Следует признать, спросонья плохо соображал. Словно в тумане все видел. Снова кто-то в кого-то стрелял, воровали все кругом, грабили. Люди...

Многие тогда уезжали в Россию. Ну и он, толком еще не проснувшись, тоже поехал. Сошел с поезда на Казанском вокзале, посмотрел на безумный город и решил: «Это мне подходит. Кто в этом городе главный? Он, похоже, из наших, из джиннов. Мы ведь созданы царем Сулейманом и царицей Бислик для того, чтобы рушить города и возводить дворцы...»

Почему-то сознание очень быстро прояснилось. Сила не вернулась – так, крохи, – а вот мудрость пришла. Он понял, что жить тут можно, и неплохо жить, только высовываться не надо, будь отцы города хоть трижды джиннами. И уверенно подался на окраину. Работа нашлась, жилье нашлось, чурки нашлись – веселее все-таки, – а остатков силы вполне хватало, чтобы ментов отваживать, и дураков бритоголовых отпугивать, и задержанной зарплаты добиваться. С умом только нужно этими остатками пользоваться, не разбрасываться.

И может, все даже к лучшему. Да, можно долго жить, спокойно жить. Придет срок – перебраться в другое место. Кто заметит, кому он нужен? И пополнять, пополнять, пополнять копилку своей мудрости.

Однако пора. Мансур посмотрел на солнце – точно, девять часов двенадцать минут сорок три секунды. Шайтан-баба Алла Валентиновна на месте, нет нужды восьмым чувством проверять. Он достал из кармана пенальчик, осторожно вытряхнул на левую ладонь волосок, закрыл пенальчик, положил на место, зажал волосок большим и указательным пальцами правой руки, поднялся и пошел в контору.

– Здравствуйте, Алла Валентиновна, – сказал он, войдя в крохотный кабинет, прижал руку к сердцу и слегка поклонился. – Как ваше здоровье, уважаемая?

– Что тебе, Мансурка? – раздраженно спросила Алла Валентиновна, одутловатая, потная крашенная блондинка сорока пяти лет от роду. – Говори быстро, некогда мне!

– Денег нет совсем, – запел Мансур, – зарплату не дают, голодаем мало-мало!

Он утрировал акцент, надеясь разжалобить начальницу и сберечь волосок. Но – напрасно.

– Нету в кассе денег! – повысила голос Алла Валентиновна. – Я тебе говорила – нету! Ты русский язык понимаешь?! Что ж за наказание?! В понедельник приходи, в понедельник, понял?! Иди, не мешай, не до тебя!

Что ж, понял Мансур, делать нечего. Он поднес руку к губам, разжал пальцы, дунул на волосок и произнес про себя на древнем языке те слова, которые следовало произнести.

... Через час с небольшим – пришлось ждать, пока оформят все ведомости-шмедомости, да потратить немного времени и еще один волосок, чтобы убедить кассира выдать Мансуру зарплату на всех шестерых, – он вышел из конторы и направился к шестнадцатому дому.

Народу на улице было уже много. Как бы деньги не своровали, подумал Мансур и поплотнее ухватился за сумку, на дне которой, под жилетом, лежали завернутые в газету зарплаты.

В чахлах кустах истошно орали коты. Видно их не было, но Мансур любил этих зверей и потому включил седьмое чувство – не отказал себе в маленьком удовольствии. И не пожалел. Красавцы! Двое, один угольно-черный, другой золотистый, несмотря на пыль – сияющий. Мед, залюбовался им Мансур. Огромные оба! Стоят друг напротив друга, выгнув спину, подняв

хвост, и упоенно орут. Ай, молодцы, подумал Мансур, ай, джигиты. Полюбовался немного и собрался двигаться дальше.

– Эй ты, аллах-акбар! – раздался сзади гнусавый окрик. – А ну, стоять!

Мансур выключил седьмое чувство и обернулся. Мент. Жирный, неопрятный. Руку на дубинке резиновой держит.

Черный кот вдруг шарахнулся на тротуар – прямо менту под ноги. Тот с неожиданной ловкостью подцепил кота мыском сапога под живот и швырнул обратно в кусты. Коты взмявкнули и кинулись в разные стороны.

Совсем плохой человек, понял Мансур.

– Документы предъяви, ты, аллах-акбар! – сказал мент. Ему, видимо, нравилась эта шутка.

– Зачем такие слова говоришь, начальник? – вкрадчиво произнес Мансур.

Он и вправду очень не любил, когда при нем упоминали бога и всех этих – Мариам, Ису, Осириса, Кетцалькоатля...

– Умничать будем? – угрожающе процедил мент. И гаркнул: – Документы! И мешок срачный – к досмотру!

Да, подумал Мансур, менты и вообще не рахат-лукум, а этот еще хуже. Кстати, всех ментов тут знаю, этого мента не знаю... Сумку тебе...

– Что ты, начальник, зачем умничать, как можно? – сказал он смиренно и молниеносным движением выдернул из брови длинный волос. Хороший волос, из последних. Жалко, а как же, но куда деваться?

Разом заработали все чувства, вплоть до девятого. На самой дальней периферии восприятия мелькнул один из давешних котов, медовый. Он сидел на крыше трансформаторной будки, истово умывался лапой, но, кажется, просто прикрывал этим занятием жгучий интерес к Мансуру и менту. Ладно, не до кота сейчас.

Мансур *увидел* мента. Будь в полной силе, увидел бы мгновенно. А так, покалеченный – с задержкой секунды в полторы. Это могло привести к ненужным проблемам, но выручила исключительная быстрота реакции, которую Мансур, надо полагать, унаследовал от извращенца Сулеймана и проститутки Бислик. Уж чем-чем, а реакцией они оба обладали феноменальной...

Нет, возможностей Мансура не хватило бы на то, чтобы превратить эту гниду в гниду настоящую или в жужелицу, например, чтобы сладострастно раздавить ее ботинком. Увы. Но очень сильный и совсем жидкий понос, прямо сейчас, на этом самом месте, был гниде обеспечен.

Мансур удержался в последнюю наносекунду.

Мент был *свой*. Не джинн, конечно, но и не человек. Свой.

– Ты что же, ишачий выкидыш, своих не узнаешь? – зловеще прошипел Мансур.

– Да я тебе, тварь черножопая... – Мент побагровел и потянул было дубинку из петли. Дубинку заело.

– Девятое чувство включи, о безмозглое отродье жабьей жопы и свиного копыта! – Мансур кипел от злости.

Мент растерялся. Медовый кот, отметил Мансур краем сознания, перестал умываться. Теперь он сидел на крыше прямо и неподвижно, будто статуэтка. И явно наблюдал.

– У меня только семь, – пролепетал мент тоном школьника, прямо на уроке уличенного в занятиях онанизмом.

– Тогда седьмое подключи, недоразвитый помет дохлого мула, – отрезал Мансур. – Только боком его поверни. Ну?!

Из свекольно-багрового мент сделался поганочно-бледным.

– От же ж гивно якое... – В его речи вдруг прорезался явственный украинский акцент. – Звиняйте, дядьку, нэ признав...

– О, горе мне, – устало вздохнул Мансур, бережно укладывая ценнейший волос в пенальчик. – Ты кто?

– Сержант милиции Шищенко, – отозвался мент. – А по правде – шиш.

– Шиш... – повторил Мансур. – Маленький самум на краю дороги?

– Согласно этому... как его... Брокгаузу и Ефрону, – угрюмо сказал Шищенко, продолжая вовсю смячать «г», – нечисть, живущая в вихрях на обочинах дорог... Ничего не помню больше... Сам он нечисть, козел... А вы-то кто будете, дядьку? Не разберу что-то...

Мансур вдруг затосковал. Вся его жизнь, такая длинная, показалась теперь короткой и пустой. Никогда, никогда за две с лишним тысячи лет он не встречал *своих*. Знать о них – знал, много знал, но не встречал. Судьба наша, горько подумал он... И тут же сообразил: ай, хорошее место это Новокузино, не зря на болоте стоит. Тянет сюда наших. И шиш этот. Не нашего рода, конечно, и ущербный, но все-таки. Вроде земляка. И коты, чтоб я не был джинн. Кстати, исчез куда-то медовый.

– Джинн, – коротко представился он. – Джинн Мансур.

– А... – уважительно протянул Шищенко. – Ну а я, стало быть, шиш Шищенко.

– Слушай меня, шиш, – сказал Мансур, волнуясь. – Посидим с тобой, э? Кушать будем, шербет пить будем, э? Поговорим, э? Деньги есть... – Он тряхнул сумкой.

– А посидим! – выдохнул Шищенко. – А то живешь, сука, один, а все козлы! А насчет бабла, это вы, дядя Мансур, зря, обижаете. Я, как-никак, в форме. Пошли вон туда, к хачикам в кабак. Только это... шербета или как его... нету у них, наверно. Зато коньяк есть.

...О шербете в кафе даже никогда не слышали, плов был недоваренной рисовой кашей с тремя сухими кусочками совсем постной свинины, коньяк наводил на мысли о спирте, настоянном на моче жеребой кобылы, кофе отдавал жженой пластмассой. Мансур отказался от всего, заказал себе только блюдо винограда и, пощипывая жухлые ягоды, смотрел, как Шищенко жрет и пьет. И слушал излияния шиша-инвалида. Ныне сержанта милиции. «Не стану платить, – рассеянно думал Мансур. – За такую еду они сами должны платить. Пусть этот дурак с ними разбирается. Он, дурак, не понимает: сегодня они его кормят-поят, а завтра уже он им обязан будет».

Мансур уже жалел, что поддался порыву. Ибо самое первое впечатление не обмануло – шиш оказался редкостной дубиной и жуткой паскудой.

– Я ведь, дядя Мансур, – говорил шиш, жуя и глотая, – ваше здоровье, кстати! – молодой еще. Мне ведь всего-то... ну, точно не скажу, но ста нету, факт. Я и детство свое хорошо помню. Черниговские мы, село Белые Вежи, слышали? Нет? Зря, хорошее село! Бывало, вертишься у дороги, глядишь – лошадь телегу тащит. Так вознице пыли в глаза, а клячу испужаешь, она и понесет, когда и вусмерть расшибется! Га-га-га! Будьте здоровы! А бывало, лучше того, девки по дороге идут, песни голоса. Послушаешь. Ретивое-то взиграет, и под подол ей, и ну щупать! Девка визжит, подружки визжат, а ты знай щупаешь! Всех перещупать можно, ежели умеючи! Только, – помрачнел он, – я ведь, дядя Мансур, сирота. А сироту всяк обидеть норовит. Ну и начали до меня докапываться, свои же и начали. Козлы! Ты, говорят, уже шиш не малый, вон какой вымахал, а дурной, безобразия на дорогах, говорят, творишь глупые, селяне, говорят, попа звать хотят, святить, мол, дорогу, а нам, говорят, расхлебывай. За дело, говорят, берись, ветра постигай, от Бикимона какого-то, говорят, обороняться учись...

– Боканона, – мертвым голосом поправил Мансур. – Дух безобидный, но, поворачиваясь спиной, поражает газами...

– Вот, я и говорю, – подхватил Шищенко. – А оно мне все в елдак уперлось, нет? Вот же козлы, верно, дядя Мансур? Ну, будьте! Да, так я о чем? А, ну да, козлы однозначные. Короче, выжили меня.

– Выгнали? – равнодушно спросил Мансур.

– Ага, выгнали, суки. То есть нет, не выгнали. Щас бы они меня выгнали! Надоели, я сам ушел. В Киев. Только мне что оранжевые эти, что синие – поперек ауры. Они ж, дядя Мансур, пылят на дорогах, как ни одному шишу не приснится! Я ж тогда, поверите – будьте, кстати! – бабе их этой, как ее, Оля, что ли, дура драная, ну, прическа у ней еще такая... или Юля... да хер бы с ней, я ей, короче, в прическу хотел, га-га-га, мусору сыпануть по приколу... зашибись, да?.. не могу... так, козлы, как пошли флагами махать, не вышло, вот облом-то! А этому... блин... здоровый такой придурок... да тоже хрен бы с ним, шапку хотел у него снести, так охрана, сука, закипешилась, увела придурка! Не, дядя Мансур, нету там жизни для нашего брата! Ну, короче, плюнул я и сюда подался. Москва – она мать городов русских. Будьте!

– Киев, – поправил Мансур.

– Ага, Киев говно, – подвел итог украинской теме Шищенко. – А тут нормуль. Ну, зробив, як надо, я ж не пальцем деланный, га-га-га, у меня ж тут дядька двоюродный на Рублевке пошаливает... в ГАИ он, по специальности... так что паспорт мне сделали. А в ГАИ не взяли, суки, и дядька не помог, козел. Знать, говорит, тебя не хочу, зря, говорит, тебе с паспортом помогал. Ну и пошел бы он! Я вон в патрульно-постовую, и нормуль! Будем! Эй, ара, еще коньяку тащи! Вот, дядь Мань, так и живем, не тужим ни хрена! И ты, дядь Мань, не бзди, мы с тобой тут делов наворотим, мало никому не покажется! Ну давай, дерни уже, а то сидишь, как неродной, ты чё, меня не уважаешь, что ль?

До чего же никчемная и бессмысленная нечисть, подумал Мансур. Не повезло с общением. С джином бы встретиться... Но это очень большая редкость: предназначение у джинов такое – одиночество. А шиши, наоборот, общинами живут, компанейскими слывут. Так послала же судьба этакое ничтожество...

– Ладно, шиш, – сказал он, поднимаясь. – Пойду, а ты сиди. Сиди-сиди. – Он грозно поднял руку, блефуя, конечно, но Шищенко явственно испугался. – Дела у меня. А ты, главное, меня не трогай, моих не трогай, хорошо будет.

И пошел домой.

Чурки кое-как обедали.

– Ты, Мансур, где был? – осторожно спросил Вазген.

– Деньги получил, – ответил Мансур и кинул сверток на стол. – На всех. Давай разбирай, потом давай кто сколько может, на базар пойду, барашка возьму, хурму возьму, урюк возьму, пепси возьму. Пировать будем. А вы, пока я все брать буду, в четырнадцатый идите, потом в двенадцатый, за ним в десятый. И чтобы чисто мели-скребли! А то вот я вас, чурки!

Он шел на рынок и неспешно обдумывал, чего бы лучше взять. И прикидывал, придется ли использовать волоски из пенальчика, чтобы избежать обмана. Выходило, что придется: на рынке восточные люди торгуют, восточные люди – умные люди, обманут – недорого возьмут.

А еще думал про нечисть. Шиш пусть подальше от него держится, а вот котов не худо бы, наоборот, поближе рассмотреть.

Глава 2

Там, в зазеркалье, дуб зеленый

1

Весь день стоял душный зной. Асфальт на солнце плавился, над ним висело марево.

Из реальности в реальность перемещались разнообразные Существа. Делали это не то чтобы с какой-то Целью и приходили не по Зову. По большей части они искали прохлады, надеясь, что, если не в одном Мире, так в другом жар будет не столь изнурительным.

Ведь один из Вечных Законов гласит – кто реален в Зазеркалье, тот в Городе или в Лесу не может быть никем, кроме как призраком. И наоборот.

Вечные Законы не только помогали сохранять Миры в равновесии. Они еще и очень неплохо спасали от жары. Ведь если ты – насквозь, во всех смыслах, прозрачен и, более того, призрак, раскаленное пекло тебе нипочем. Да и лютый мороз тоже.

Из Города в Зазеркалье забредали в основном безобидные спящие люди. Эти-то пусть ходят, не жалко, полагали коренные обитатели Зазеркалья. Спящие ведь всегда безобидны. Им бы по Саду побродить или по Дворцу. Бродят себе, никого не трогают – дурачки дурачками...

Правда, иногда, если спящие заходили не туда, местным жителям приходилось пугать их. Кто не ленился – считывал информацию о врагах и страхах у спящих из мозга. А лентяи – просто прикидывались чудовищами и отпугивали дурачков «ходовиков» от территорий, куда тем заходить не стоило.

Случались в Зазеркалье и не такие уж безобидные гости. Например, нынешней весной сюда пыталась пройти целая экспедиция призрачных леших из Москвы. Пугали их долго и изощренно. Наконец лешаки попятились, поддались. Больше не приходили. Пока.

Казалось бы: ну что плохого в том, что они в виде призраков будут здесь ошиваться? Пускай, жалко, что ли? А вот жалко! Потому что хорошо известно: ушлый гость из другого Мира, даже будучи бестелесной сущностью, способен сожрать тут столько очень даже лакомой пищи, что местным не хватит. Ее, пищи этой, на всех, извините, не рассчитано.

Все ведь не так уж и сложно. Каждый обитатель любого из Миров окружен неким сиянием, кольцом – из мыслей, желаний, эмоций. Кто-то называет его аурой, кто-то эффектом Кирлиана. Это не важно, как назвать. Главное – каждый человек сияет. И гость-призрак способен без особого труда забрать часть этого сияния, этой энергии себе, не спрашивая ничего на то согласия.

...Рыжий спал на дереве. Его Черный брат злился, точил когти о мощный ствол, яростно, как врага, драл кору. Но кошачьи царапки вековому дубу нипочем. Да что говорить – даже многотонная цепь, обмотанная вокруг могучего древесного тела, смотрелась совсем небольшим, не внушающим никакого трепета украшением. Этакой фенечкой.

– Эй, жирный! – потеряв терпение, заорал Черный. – Мрряу! Хватит дрыхнуть! Жрать хочу! Вставай!

Рыжий лениво приоткрыл один глаз – совершенно медового цвета, зевнул, свесил голову с ветки, благожелательно посмотрел на брата:

– Мрр... Хочешь, я тебе трясогузку поймаю? Или лучше сам поймай...

– Трясогузку?! – зашипел Черный, выгнув спину. – Ты что, Люб, издеваешься?! Мрряа-у-у!!! Хватит притворяться, лодырь, на Охоту пора!

Рыжий не спешил с ответом, вылизывал языком свою блестящую, с солнечно-золотым отливом, шерсть.

– Я гостей жду, – наконец объявил он предельно вальяжным и даже высокомерным тоном.

– Каких еще гостей?! – завопил Черный кот.

– Не скандаль. Помнишь, заходил как-то ко мне поэт один? Я с ним еще по Саду гулял, Дворец показывал?

– Пушкин, что ли? Так его застрелили давно!

Пушкина оба кота помнили хорошо. В свое время, лет двести назад, им даже довелось познакомиться с его призраком. Случайно, конечно: к Великому Древу принесло паренька-призрака, страшно любопытного и на редкость сообразительного. Коты провели экскурсию. Вернее, все заслуги приписал себе Рыжий брат. А вот Черный, как ни крутился под ногами, как ни пытался попасться гостю на глаза, остался незамеченным. Ух и злился он тогда!

Потом паренек написал стихотворение, ставшее в Зазеркалье очень популярным:

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый...

Имелся в виду Рыжий Люб. Уж он-то постарался блеснуть ученостью, заболтал поэта, произвел впечатление. Хотя на самом деле следовало читать «Там, в Зазеркалье, дуб зеленый». Но призрак поэта что-то не так запомнил. Или из головы вылетело. Поэты, они такие.

– Нет, – сказал Люб. – Не Пушкин. Другой какой-то.

– Быков? – принялся гадать Черный кот, забыв на минуту о своем голоде. Очень уж он был к поэтам равнодушен. Сияние у них совершенно особенного вкуса... – Или Орлов?

– Хоть бы и Губерман, – мурлыкнул Рыжий брат. – Я экскурсантам всегда рад... А то какой-то Хрено... и не выговоришь... в общем, поблизости ошивался. Еще тут шастали – тоже язык сломаешь. Странные фамилии у современных поэтов... Не то что раньше – Пушкин! Державин!

Черный еще больше разозлился. Он, понимаешь, с голоду помирает, а этот лентяй о поэзии рассуждает, да еще, видите ли, загадками изъясняться изволит. Ну, держись, решил он.

– Значит, так. Если ты сей же момент не оторвешь свою толстую тушку от этого толстого дуба, я чудовищем обернусь, распугаю твоих поэтиков так, что им твое дерево дурацкое в кошмарах сниться будет. Хрен тебе, а не экскурсанты!

Рыжий забеспокоился. Он, как и брат, любил призраков творческих профессий, особенно поэтов – считал их изысканным деликатесом. А с Черного ведь станется.

– Нелюб, я тебя уважать перестану, – нерешительно сказал Рыжий.

– Да ты меня и так не уважаешь! Плюешь с высокого дуба на мой голод!

– Мы же только вчера охотились, – возразил Рыжий. – На свадьбе гуляли. Или не помнишь?

– Кто гулял, а кто и лапу сосал!

Рыжий смущенно посмотрел на Черного.

– А ведь и верно, – нехотя признал Люб. – Как-то я о тебе не подумал... Увлёкся, понимаешь... Правду говорят, не понимает, ох не понимает сытый голодного... Ну, прости, брат! Не сердись, уже встаю...

– Сегодня смотри не увлекись! – сверкая глазами, предупредил Черный.

Рыжий зевнул, показав крупные и острые клыки.

– Да, хорошая была свадьба. Особенно под конец. Жених с невестой – прямо в свадебном лимузине. Шафер – со свидетельницей. Брюнетка Люся с охранником Славой.

– Уж этих мог бы и мне оставить, – прошипел Нелюб.

– А вот тебе, – мечтательно промурлыкал Люб, – и самая интригующая и, казалось бы, невозможная связь: отец невесты с тетей жениха...

– Ты, Люб, обжора патологическая! – заявил Черный кот. – Ты от поглощенной энергии лопнешь раньше, чем я сдохну с голоду. А уж о брате подумать – это тебе и вообще недосуг.

– Ты прав, Нелюб, – виновато сказал Рыжий. – Я, как разойдусь, обо всем на свете забываю. Бывает. Ну вкусно же! Прости, брат... Сегодня будет – твой вечер. Не злился, а? Что ж ты нервный такой, мрр...

Люб поднялся на ноги, выгнул спину, потянулся, неожиданно ловко – для его комплекции – спустился с дуба. А затем два кота прыгнули через Стену Реальности и стали призраками. Такими же котами, крупными, хищными, только – прозрачными, невесомыми.

Вечерело. Братья-коты бежали от двора к двору.

– Здесь, – вдруг сказал Рыжий, замирая около одного из подъездов серой шестнадцатизэтажной жилой башни. – Чувствую эманации. По-моему, восьмой этаж.

И действительно – одно из окон жилого дома ярко светилось золотистым, манящим сиянием.

Без всяких проблем братья прошли сквозь металлическую дверь подъезда, взлетели по лестнице на восьмой этаж.

– Вот здесь, – облизнулся Рыжий около двери квартиры номер 116.

Дверь тоже была железной. Но какие двери могли остановить этих братьев? Разве что заговоренные.

2

– Я от тебя ухожу. Слышишь, Смирнов?

Вика собирала вещи. Она порывисто металась по квартире, швыряла в раскрытый чемодан какие-то тряпки, какие-то коробки с обувью, какую-то косметику. Злилась.

Вроде – серьезно. Тем не менее Дима не мог избавиться от ощущения, что жена шутит. Нельзя же так серьезно заводиться из-за каких-то пустяков! Деньги на посещение вертикального солярия – все-таки не повод. Да и какой еще солярий, когда в доме работает только он, денег после выплаты кредита – конкретно в обрез, а до зарплаты – почти целая неделя.

Вечер был жаркий, безветренный. Однако Диме вдруг показалось, что по комнате прошел сквозняк – совершенно вроде бы немислимый. И мало того – этот сквозняк еще и словно бы потерялся о Димину ногу.

Остро и пронзительно Дима вдруг понял, что любит Вику. Любит сильно, до головокружения. И плевать на взбалмошность, капризы, запросы, разорительный шопинг! Плевать, это все мелочи, не заслуживающие скандала! Даже и говорить не о чем, подумаешь, триста рублей!

– Викусь! – сказал Дима. – В конце концов, у нас своя квартира, а это уже немало! Мы счастливы! Скоро я начну больше зарабатывать...

– Не очень-то замечаю, чтобы ты пытался, – парировала Вика. – И не переживай. Найдешь себе другую. Хорошую девочку. Приезжую. Экономную. Будет в рот тебе заглядывать.

Дима и Вика были вместе полтора года. Диме вдруг захотелось вернуться к времени их первого знакомства, когда душа и тело были в полном восторге от Вики, когда счастливо кружилась голова, когда совершались прекрасные безумства. Сейчас ему очень хотелось обнять Вику. Она, конечно, будет сопротивляться, но он не даст ей вырваться. Он поцелует ее любимое местечко – за ушком. Вика ахнет, расслабится, вся задрожит, прекратит, наконец, скандалить, и они, потеряв голову, совсем как раньше, рухнут на диван. Или на ковре устроятся.

Впрочем, не менее вероятен и другой исход событий. Вика, например, может его сейчас оттолкнуть, поднять крик. В общем, вывести конфликт на новый уровень – когда уже кричат и бьют об пол посуду.

3

Мир устроен несправедливо. Кого-то природа одаряет щедро, кого-то – совсем чуть-чуть. И кому, как не братьям-котам, было об этом знать.

Рыжему Любу везло всегда. И не только с поэтами. Везло хотя бы потому, что получить свою пищу Люб мог независимо от Черного Нелюба. Рыжему, по-хорошему говоря, достаточно было всего-то устроиться в непосредственной близости от занимающихся любовью людей, счастливо урчать и поглощать их золотистые позитивные эманации.

Другое дело Нелюб. Он питался энергией другого знака – негативной. Энергией эмоционального взрыва, которая происходила от мгновенной трансформации всех тех «розовых соплей», которыми подъедался рядом с милующимися парочками братец.

Есть у людей песня про черного кота. Только черному коту и не везет... Истинная правда! Нелюб, впервые эту песенку услышав, помнится, чуть не расплакался, хотя коты плакать и не умеют. Все правда! Не везет! Так еще и братец – эгоистичный, наглый, рыжий... Сколько раз такое бывало: объедается своим золотым сиропом, а о Нелюбе даже не думает, все себе, все себе! А Черному что остается – знай облизывайся, ссору-то затевать во время пиршества – страшное, немыслимое преступление против Вечных Законов... Только и подкормишься, когда в него, Рыжего, больше уже не лезет...

Ну, уж тогда-то Нелюб старался! Еще бы – ведь следовало набить себя энергией основательно и надолго. Ах, какой он мастер, как тонко умеет провоцировать неловкие ситуации, дурацкие шуточки, неодолимые влечения к дурным привычкам! В приторный сироп, произведенный братцем, попадала грязь. И тогда-то пища наконец становилась съедобной для Черного кота.

Сейчас Рыжий был занят созданием поля с положительным зарядом. Он потерялся о ноги взволнованного мужчины. А потом легким, мастерским прыжком вспрыгнул женщине на руки. В следующее мгновение, втянув когти, перебрался к ней на плечи, пушистым, упитанным телом обвился вокруг шеи, замурлыкал.

Как ни сдерживал себя Нелюб, но слюнки уже текли.

4

– Жарко что-то, – сказала Вика и сняла футболку. Лифчиков она, сколько Дима помнил, не признавала. Особенно в жару.

Дима застыл. Поди пойми этих женщин! То ли это призыв к действию, то ли Вике действительно стало жарко... «Была не была!» – решил Дима, шагнул ближе, вытянул руки, почти ухватил жену за талию. Почти. Потому что Вика вырвалась да вдобавок больно ущипнула его за запястье.

– Не смей меня лапать!

– Да ладно, Вик, чего завелась-то?

– Чего завелась?! – Вика повернулась к нему, картинно уперла изящные руки в потные бока.

Впрочем, в поту были не только бока. Вспотела и пышная, манящая грудь. На потолке горела люстра, и в ее свете ладный бюст давал соблазнительные блики, словно посылал сообщение световой азбукой: «Я твоя! Возьми меня!»

Игнорировать такую грудь Дима не мог. Он хотел жену сильно, непреодолимо, как в самом начале их отношений. Он был не просто готов к бою. Ему казалось, что вся кровь прилила к его охваченному безумием предстоящей битвы тарану, которому предстоит – вот-вот! – сокрушать ворота теплой и мокрой крепости.

5

Черный кот смотрел на брата. Тот блаженно мурлыкал, обернувшись ласковым воротником вокруг шеи женщины.

Невидимые для людей эманации исходили из их пупков плотными золотистыми потоками.

Люб жмурился, облизывался. Но на лакомство не покушался.

Черный расчетливо подогрел свою злость. Он голоден! А эти – любовью заниматься собрались! А вот получите!

Воинственно задрав хвост, Нелюб подскочил к женщине, поднял лапу, полоснул гладкую ногу острыми когтями.

Физическое тело женщины ничего не почувствовало. Впрочем, Черный кот намеревался причинить боль не телу, а исключительно душе.

И преуспел: золотой поток энергетических частиц стал окрашиваться темной краской, как... как лимонад, в который впрыснули чернила. Грязно-черные частицы расплывались по потоку, окрашивали его причудливыми, призрачными кляксами.

Еда была готова. Почти.

Теперь ее следовало приправить. И Нелюб вонзил в точеную ногу уже не когти, а клыки. Пошла реакция! Энергия забурилась, забила мощным фонтаном, и Черный кот даже подумал, что для насыщения хватит только молодой женщины.

6

Дима быстро и без труда достиг того состояния, когда доводы разума уже не способны влиять на действия человека. Когда в голове плещется сладкий и мутный кисель, а желание, если не будет удовлетворено, может причинить разрушения.

– А кто же это говорил, что я много денег на шопинг трачу? – издевалась Вика, ловко уворачиваясь от объятий. – Кто над каждой копеечкой, как гомосек, трясется?

– Гобсек! – поправил Дима.

– Короче, Смирнов, я больше не могу с тобой жить! – сказала Вика. Жесткими интонациями голоса она дала понять, что все для себя уже решила.

– Но куда же ты пойдешь, на ночь-то?

– Ну и останусь! Имею право! Но буду спать вон там! А ты можешь нежиться в спальне! Бессовестный!

– Вот как? – горько промолвил Дима.

– Да, именно так!

Вика ушла в дальнюю комнату, включила там телевизор.

Дима стоял на пороге, вслушивался – не встанет ли с дивана, не направится ли к двери. И тогда он сначала отбежит к окну и замрет к двери спиной, немного ссутулившись, и тут она войдет, а он повернется к ней и...

Но Вика и не думала выходить. Дима изнывал, последним усилием рассудка удерживая себя от того, чтобы не заметаться, не забегать по комнате, словно тигр, запертый в четырех зарешеченных стенах.

Сегодняшние Викины фокусы только распалили Диму. Ведь, когда жена злилась, она становилась нечеловечески, да что там – демонически! – соблазнительна. Сейчас Дима вождедел ее с силой, как в их медовый месяц, когда они... Еще одного усилия стоило отогнать от себя сладкие воспоминания.

«Название монгольской столицы Улан-Батор в переводе означает «Красный богатырь», – бархатно произнес за дверью телеведущий.

Дима толкнул дверь и вошел.

Наверное, Вика это предвидела. Она вскочила с дивана, бросилась к нему. Решительно, даже пуская в ход ногти, стала выталкивать прочь.

– Вик, ну пусти! – сказал Дима, уже оказавшись за дверью.

– Смирнов! – крикнула из-за двери жена. – Еще раз попытаешься ворваться – заору!

7

Только приступив к трапезе, Черный кот понял, как же он изголодался. О, эта энергия – сытная, изысканно приправленная человеческим страхом, глупостью, агрессией. Что ж, аппетит приходит во время еды! Надо все-таки цапнуть и мужчину.

Нелюб не разочаровался. Черноты в мужчине было много. И такой лакомой! А послекусие!..

Призрачное тело кота наполнялось сладкой тяжестью. Он знал: скоро захочется вздремнуть.

8

Делать это с рукой было совсем не то же самое, что с Викой. Но Дима просто сходил с ума. Ему требовалась хоть какая-то разрядка, чтобы не думать о потном, бликующем теле, чтобы его, Диму, просто не разорвало на части.

И вот, наконец, образ жены померк. Подернулся серой рябью и перестал быть таким уж заманчивым.

– Уфф! – сказал Дима, прислоняясь лбом к кафельной плитке. Почему-то он чувствовал себя выпитым до дна. На душе было пусто.

9

Наконец-то Нелюб наелся, да так плотно, как давно не насыщался. Последнее подобное пиршество, насколько он мог припомнить, происходило пару недель назад, в одной из соседних многоэтажек. Это был просто феерический супружеский скандал. А взаимные негативные эмоции были совершенно изумительных – пряного и с дымком – оттенков вкуса.

Захотелось подремать.

– Ну что? – спросил Рыжий. – По домам?

– Подожди, – сказал Черный, насторожив уши. – Я врага чую.

– Что?! – отпрянул Рыжий брат.

– Он над нами, – продолжал Нелюб. – Семь-восемь этажей.

Люб тоже напряг все свои чувства.

– Похоже, лешак, – удрученно мяукнул он.

– Или Ырка, – прошипел Черный.

И лешаки, и Ырки были существами здешнего Мира. Однако встреча с ними отнюдь не сулила добра братьям-котам: те же лешаки запросто могли видеть призрачных гостей из Зазеркалья, могли и отобрать добытую энергию. Во всяком случае, попытаться.

– А, ладно, что они нам сделают? – мрачно сказал Нелюб. – Останемся, еще ночью, чувствую, будет чем поживиться. Ночь моя, Люб, не забудь!

– А вдруг и здесь достанут? – поежился Рыжий.

– Кто, местные? Ну, они ж тут не призраки! – махнул хвостом Черный. – Сквозь двери проходить не могут, а станут ломиться – с балкона спрыгнем.

– Ладно, – нехотя проворчал Люб, устраиваясь подремать возле женщины. – Уговорил. Хотя и жаль! К дубу поэт может прийти, а меня нет... Эх, такая экскурсия сорвалась!

– Зайдет еще к тебе твой Хре... как его... – буркнул Нелюб.

– Да нужен он мне... – важно ответил Рыжий. – Ладно, что с тобой поделаешь... Остаемся. Утром, наверное, здесь же и позавтракаем, – промурчал он, погружаясь в сон.

– Ночь – моя, моя, моя! – выгнул спину Черный брат.

– Умгу, – невнятно отозвался Рыжий кот.

А Нелюб не без зависти подумал: «Это как же надо было обожраться на свадьбе?»

10

Было уже два ночи, но заснуть Дима не мог. Вика тоже не спала. Ходила у себя по комнате, вроде бы даже плакала.

«Может, сейчас?» – подумал Дима. Встал с постели, вошел в комнату. Вика сидела на краю постели.

– Ты мерзкий, – сказала она, не глядя ему в глаза, – совершенно мерзкий человек! Ты довел меня до слез!

– Ну Викочка! – Дима присел рядом, коснулся плеча жены.

– Отстань! – Она сбросила его руку.

– Я больше не буду...

– Что ты больше не будешь? Жадничать, что ли? Каждую копеечку несчастную считать? Все! Я больше не могу жить со скрягой!

– Викусик! Я... Ну... Слушай, может, не будем?

– Все, разговор окончен!

– Нет! – с некоторой даже злостью воскликнул Дима. – Ничего он не окончен!

Он действовал, что называется, на инстинктах. Повалил жену в постель, навалился сверху, стал покрывать поцелуями шею и грудь. Вика отбивалась, но не так, чтобы в полную силу. И вскоре Дима сумел ее раздеть, раздвинуть коленом бедра.

Однако происходило что-то неладное. Дима чувствовал, как по его спине разгуливает неприятный, словно бы царапающий сквозняк. Это дуновение ветерка, казалось, имело непосредственную связь с тем, что померк мысленный, невыносимо яркий и соблазнительный образ Вики в голове. Образ, зовущий к подвигам его красного богатыря. Который по-монгольски «улан-батор».

– И что это? – Вика брезгливо, двумя пальцами, держала богатыря. А тот вовсе не рвался в бой, норовил устроиться в маленькой женской ладошке, прикорнуть. – Что-то ты, Смирнов, мне в последнее время все меньше нравишься. Даже изнасиловать по-человечески не можешь...

– Это я-то не могу?! – вскочил Дима, потом перешел с крика на шепот. – А может... э-э... ну... ну, орально?

– Что?! Ты мне деньги жмотишь, а я тебе еще и «орально»? Это вот ты мне давай «орально», тогда еще посмотрим!

Теперь Дима знал: примирение не за горами.

11

Утром супруги опять поссорились. Потом помирились. В общем, позавтракали оба брата-кота.

Люб снова выглядел обьевшимся.

– Все, не могу больше. Пошли домой! Мне надо готовиться к ик... ик... экскурсии!

Братя бежали по полоске травы, отделенной кустами от раскаленного тротуара.

– Может, еще на вечер останемся? – вдруг предложил Нелюб.

– Никогда в жизни, – зашипел Люб и выгнул спину.

– Но почему? – яростно взвыл Черный. – Мрря-а-у-у!

– Потому, что здесь опасно! – взорвался Рыжий. – Мрря-а-у-у! Я из-за твоего обжорства страху натерпелся такого, что похудеть могу! Тут Ырки бродят, а ты – останемся!

– Из-за моего обжорства?! – заорал Черный. – Это я-то обжора?! Ах ты, наглая рыжая морда! Да еще и трусливая! Вот, смотри, как поступают настоящие бесстрашные коты!

Он лихо вылетел из кустов на тротуар – прямо под ноги двоих беседующих людей: средних лет азиата и молодого, но обрюзгшего милиционера.

– И никому мы на фиг не нужны! – издевательски распевал Черный.

В тот же миг сержант милиции поднял ногу и отфутболил Нелюба прочь.

Черный кот летел над улицей и возмущенно мяукал, не в силах поверить в то, что произошло. Его видят люди?! Тогда – наутек! Домой!

Около самой Стены Реальности, однако, остановился. Негоже коту-храбрецу бросать брата.

– Они оба нас видели, – сообщил Рыжий брат, догнав Нелюба. – И смуглый, и толстый. И вообще, они, кажется, не люди, я за ними немного понаблюдал. Говорил же тебе: в Городе – опасно. А ты все «останемся, останемся». Безрассудство – это, брат, не храбрость. Это глупость. Ну, пошли.

– Я с ним еще разберусь, – мрачно пообещал Черный. – Он у меня импотентом станет.

...Уже в Зазеркалье Нелюб уловил запах – соблазнительный и манкий. Запах – вернее, тончайший аромат – зазывно разлетался по окрестностям, переворачивая душу сладкими грезами. У кого-то из местных кошек начался брачный сезон.

Нелюб оглянулся на брата. Тот карабкался на дерево, чтобы поспать.

«Ну и спи!» – подумал Нелюб. Он мчался на запах. Душу грела мысль, что он хоть в чем-то – но превзойдет обжору брата.

Глава 3

Жажда

*Графиня изменившимся лицом лежит пруду.
И. Ильф и Е. Петров. Золотой теленок*

Плотный, с тусклыми глазами навывате и большими залысинами мужик, известный всему дому как Стекланный Вова, вышел из подъезда, огляделся и уселся на лавочке, подальше от переполненного мусорного контейнера. Рядом с собой Вова водрузил потертый, давно потерявший форму портфель из козжаменителя. Извлек из портфеля бутылку «Клинского», снововисто скovyрнул зубом крышку, присосался. Утолив первую утреннюю жажду, уставился куда-то вдаль, где никто другой ничего разглядеть не мог. Впрочем, Вова тоже не мог. Да и не пытался.

Кличка Вова подходила. Сидя на этой скамейке – утром, перед работой, с полчаса, а вечером, после, часа два, – он молча накачивался пивом и, действительно, как бы стекленел. Некоторые ему даже завидовали – легко мужик живет, без забот. Правда, жену и детей Вовиных, наоборот, жалели.

А вот Василий никому не завидовал и никого не жалел. Никогда. Особенно в последние годы. Не по злобе не жалел, не по благородству не завидовал – просто в голову не приходило.

Огромный, костлявый, коричневолицый, одетый в местаи рванный пиджак и старые жеванные брюки, он вышел из того же подъезда минут через пять после Вовы. Медленно, словно вплавь, добрался до противоположного конца лавочки – вплотную к контейнеру, сел, положил подле себя старую холщовую сумку, закинул корявую ногу в разлапистом башмаке сорок седьмого размера на другую такую же, сгорбилсЯ и застыл.

Из контейнера пахло, но Василия это не беспокоило. От него и от самого пахло, от всего, если не считать здоровенного, облупленного разводного ключа, засунутого во внутренний карман пиджака. От других инструментов – покоившихся в сумке ершика со следами дерьма и вантуза – тоже пахло. Так что контейнер – это ничего особенного.

Глядя на них, Вову и Василия, кто-нибудь мог бы подумать: вот, простые, кажется, люди – а сидят этак... внушительно, неподвижно, молча... устремив взор неведомо куда... о вечном, должно быть, их думы...

А вот хрен, извините, по рылу.

У Стекланного Вовы в голове густо клубился туман, а в нем если и проблескивала мысль, то одна лишь единственная: «Я – это я». Ибо Вова себя уважал и тем, что он – это он, сильно гордился.

А в голове Василия ничего не клубилось. Там неподвижно стояло мутное марево, наподобие ила, поднятого со дна неосторожным купальщиком, да так почему-то и застывшего. В мареве этом неспешно култыхались, самопроизвольно сворачиваясь, разворачиваясь и сменяя одна другую, картинки, содержание которых Василий не стал бы вербализовывать, даже знай он такое слово.

Картинки в основном отражали прошлое, но некоторые – и будущее. Вот, видел Василий, он бредет к магазину, что вон за теми деревьями. Входит, вынимает из кармана пару бумажек и горсть кружочков – на каких палочки, на каких закорючки, подает это все Люське, та шустро ныряет в подсобку и выносит Василию завернутые в старую газету пол-литра паленой.

На следующей картинке Василию увиделось содержимое его карманов. Что там? Разводной ключ имеет место, крошки разные, надорванная пачка «Примы» – а вот бумажек с кружочками не наблюдается.

Картинка сменилась – ага, из подъезда выходит некий абстрактный сосед, пытается проскользнуть мимо, как бы не заметив Василия. Тому приходится слегка напрячься, чтобы угрюмо осведомиться: «Чего не здороваешься?» Василий протягивает соседу клешню, тот, само собой, сует ладошку – и попадает. Василий цепок. Он удерживает руку соседа, не обращая внимания на слабое трепыхание, напрягается еще сильнее и проговаривает: «Дай это... двадцать четыре рубля... до получки...» Теперь можно расслабиться. Сосед, однако, в упор отвечает, что не даст, потому что уже давал и ничего не дождался, ни с какой получки. Решительно вырывает руку и уходит. Жид.

Опять смена кадра: Василий видит другого жида, неприязни не испытывает, просто видит, и все. Этот жид немного похож на Стеклянного Вову – Василий скосил глаза влево, – только поносатее, да еще в очках и в галстуке. Не даст.

Вова тоже не даст, хотя у него и есть. Но у него просить – себе дороже. Вова обратит внимание, что он не один, что Василий тоже тут, ухватит его, Василия, за рукав, сразу же снова остекленеет, а держать рукав будет долго, крепко – тоже клещ тот еще – и молча. Потом отцепится, допьет свое пиво, встанет и пойдет на остановку. На работу ему пора.

А Василию еще посидеть можно. Вдруг какой нежид из подъезда выйдет.

Пошли картинки из прошлого. Вразнобой, но все понятно. Вот Василий выходит на крыльцо – это еще на старой квартире жили, – приставляет большой палец правой руки к правой же ноздре и мощно высмаркивает левую. Кто-то проходящий мимо – знакомый вроде, да и хер бы с ним – говорит: «Здорово, Васек! Ну, кто родился-то?» – «Парень», – сумрачно отвечает Василий и вышибает соплю из правой ноздри.

Вот батя охаживает Ваську по голой спине сложенным в несколько раз электрическим проводом. Сейчас, на картинке, это не больно, а как тогда – не вспомнить. И за что – тоже не вспомнить.

Вот Вася с парой пацанов на остановке. Бормотуху глушат. Дедок с орденскими планками на пиджаке что-то говорит, палкой об асфальт стучит. Да затрахали вы, козлы! Тебе, сука, в гроб пора, ты на кого, пидор, тянешь? Валят наземь, бьют ногами. Вася подпрыгивает, с размаху приземляется пятками на грудь старого хрыча. Хруст под ногами, мужики взрослые, двое с монтировками, потом менты...

Свадьба... Нет, тут совсем мутно, не разглядеть ничего... Помнится, что залетела одна – и вот свадьба какая-то...

За рулем. Сразу, скачком – драка с жидом каким-то. Начальником вроде.

Менты. «Пахнет от вас. Пили?» – «Пошел в жопу!» – «Ах ты, козел!» – «Кто козел?!» Побой в отделении. Картинка – совсем не больно. «Запретить управление транспортными средствами». Козлы...

Под днищем машины. Снова драка, теперь с водилой, что ли.

Тюрьма. Разборки. Со Скелетом не забалуешь. Это он, Василий – Скелет. Еще с первой ходки, малолетней, после того, чудом не до смерти забитого, деда...

В ДЭЗе. «Гайки, болты крутить умеешь? Что такое сальник, знаешь?» – «Да я это... разряд у меня...» – «Слесарем-сантехником пойдешь?» – «А чего ж...» – «Завтра с утра – в кадры. Паспорт с собой, трудовую. Послезавтра выходишь».

Кухни, ванны, туалеты – неясной чередой. Краны текут, толчки засоренные. «Хозяйка, надо бы... это... поощрить...» – «Вы бесплатно обязаны! Я ветеран труда!» Голос визгливый какой... «Пошла к херам, бабка».

С Джеком на улице. Василий на лавочке, Джек по двору трусит, кого ни попадя распугивает. Свиреп Джек, только хозяина и слушается. Да и как не слушаться – а сапогом в брюхо?

Пруд. Говно туда через трубу подается. Хоть и нелегально, а все равно говно. Да и ладно – жарко уж больно, так и так освежит. Первый раз, что ли, особенно нажрамши-то? «Не ори, мужик, какая тут рыба?»

Муть над головой. А спина – на мягком чем-то. И дед незнакомый. Жид, как пить дать. Грива зеленоватая почему-то, и борода с усами тоже. И глаза зеленые, яркие. «Это ты, – спрашивает грозно, – говно ко мне льешь?» Василий отвечает: «Да пошел ты...» Пузырей нет почему-то... Дед всматривается. «Ах, незадача! И верно, не ты... Где тебе... Да и кто ж купаться станет, коли сам же сюда и сливает? Зря, выходит, я тебя утопил-то... Эх, чего по пьяни не сотворишь... А ты, милоч, что пил-то?» Василий молчит. «Да уж чую, – продолжает дед, – паленую пил. А я, знаешь, чистую предпочитаю. Что ж с тобой делать-то, с бедолагой? А вот что! – Голос деда крепнет. – И спорить не станет никто. А хоть бы и стал – в своем я праве. Чтобы Феофилакт, болотный спокон веку, этим вот говном ведал?! А вот вам! Ты, милоч, ты им теперь ведать будешь. Ты с сего мига – вуташ. Знаешь, кто такой вуташ?» Василий по-прежнему молчит. Дед вздыхает: «Вуташ – это, милоч, водяной из утопленников, понял? Говенным прудом только вуташу и ведать... Хотя, коль не желаешь, могу просто в утопленниках оставить. Ну? Ага-ага, так-то лучше... Передаю тебе, вуташ... как тебя?... вуташ Василий, начало над прудом этим. Владей, ведай, ворожи. Все, сказано. Да не безобразничай тут! Ладно, пойду я. Спросят – скажешь, в припятские топи Феофилакт подался. Оно можно бы и на Сиваш, да уж больно там солоно... Да, в припятские топи... Пускай ищут... А ты, стал быть, хочешь – тут лежи, хочешь – выбирайся, все одно обратно явишься, никуда теперь не денешься. Ох-хо-хо... Да, вот что. Тут поблизости озера – так ты, значит, на Божье не ходи, худо там. Светлое с Темным – это ладно, а на Божье – ни-ни! Ну, бывай, Василий...» Тихий всплеск. Никого. Хотя вот – рыбка одноглазая юркнула. А вон леска с крючком и грузилом. Так-так.

Картинки кончились. Стекланный Вова уже, оказывается, ушел. А Василий так никого с двадцатью четырьмя рублями и не дождался. Ладно, тоже на работу пора. Он грузно поднялся и побрел в ДЭЗ.

В коридоре столкнулся нос к носу с начальницей, как всегда уже потной и скандальной.

– Тебя где носит, колчерукий?! – с места в карьер заверещала она. – Ты во сколько приходить должен?! Что ж за беда на мою голову?! Иди, иди, на улицу вон иди, воняет от тебя, дышать нечем! Там и стой, заявки будут – я диспетчеру скажу, чтоб вызвала тебя! Да жильцам не хамя, жалобы на тебя всю дорогу! Смотри, Рыбаков, еще один фортель, скажу Палвикчу – вылетишь как пробка!

И, уже скрываясь за дверью, пробурчала себе под нос:

– Надо же, как воняет...

Василий устроился на детской площадке прямо напротив ДЭЗа, через пешеходную дорожку. Сидел в той же позе, что и около дома. Сновали туда-сюда разные люди, кто по дорожке, кто в ДЭЗ и обратно. На Василия никто внимания особо не обращал, разве что площадка быстро опустела. Да еще чурка Мансур, бригадир дворников, выйдя из дверей, мазнул по нему взглядом. Этот взгляд Василий почему-то заметил.

Снова картинки. Сначала те же самые, что утром, потом новые, про его пруд. Зима. Замерз пруд, только там, где труба, полынья. Василий там и ныряет. Хорошо, что говно сливают, ощутил (не подумал) он. Схватился бы пруд весь – и что, лед ломать? Без пруда-то никак... А ежели покроется, когда он, Василий, наоборот, там будет, внизу? До весны терпеть? Или пробивать – вот хоть ключом разводным?

Так что говнослив – на пользу.

Если честно, Василий свой пруд запустил. Ничего в нем не делал, не чистил, не пугал никого. Просто ложился навзничь на дно – каждую почти ночь – и смотрел перед собой. Вернее, над собой. И окрестности пруда, которые раньше считались местом опасным, стали более оживленными, перестали люди бояться. Ходили свободно, окурки в воду кидали, бутылки пивные. Пацаны мусор какой-то забрасывали – кто дальше и у кого громче булькнет. Зимой – на санках, на ледянках с берега на лед скатывались. Раньше-то опасались – потонуло тут немало,

Феофилакт дело знал... А Василию все это было как-то без разницы. Лишь бы на дне полежать, и ничего не надо.

Вот еще картинка из прошлого: Василий лежит, а к нему гость. Похож немного на старика Феофилакта, только помоложе. Завис над Василием, смотрит в упор. Потом спрашивает: что ж ты, вуташ, бездельничаешь-то? Хозяйство-то твое ты только глянь в каком виде! Не умеешь – ко мне приходи, на Темное озеро, научу, а ленишься – гляди, не пожалеть бы тебе! Василий, конечно, посылает его вяло куда подальше, гость всплывает и исчезает...

– Рыбаков! – истошно заверещала начальница. – Быстро ко мне!

Василий неспешно двинулся в кабинет.

– У порога стой! – заорала начальница, когда он вошел. – А теперь отвечай, урод, что ты вчера в семнадцатом доме натворил?!

Капельки слюны, которой она брызгала, долетали аж до Василия.

– Ничё... – сумрачно ответил Василий. – А чё?

– Чё-ничё! – передразнила начальница. – Ершиком своим сраным трубу под раковиной перемазал, вот чё! Хозяйку обматерил, вот чё! Да еще деньги клянчил, вот чё! Она звонит, истерику тут устраивает, дура, как будто мне больше делать нечего! Урод, урод... В общем, пеняй на себя, Рыбаков! Я больше терпеть не буду, серьезно тебе говорю! Палвикчу после обеда все доложу! Иди! Жди! Да не на детской площадке, идиот, ты ж распугал всех! За угол зайди, там стой! У, ё-моё...

Общий смысл сказанного Василий понял. А еще уловил слово «обед». И пришла следующая картинка: он, после обеда, выгуливает Джека. Это из прошлого, точно: Джек теперь его боится, да не как раньше. До судорог боится, в угол забивается, скулит, лапы у него подкашиваются. Прямо как у Василия – новая картинка, – когда его на Божье озеро зачем-то понесло, хотя Феофилакт и предупреждал, чтобы ни ногой. А понесло. Когда-то давно купался там, загорал, байки слушал про церковь, в незапамятные времена в землю провалившуюся на этом самом месте, где теперь озеро, – ничего. А тут до берега дойти не сумел – ноги держать отказались, дорога дыбом встала... Еле обратно добрался...

Вот так и Джек. Не выгуляешь его...

Ну, все равно – обед. Жрать-то Василию без надобности, только порядок так и так должен быть. Обед для рабочего человека дело нужное. Может, все-таки попадется из соседей кто, сходит Василий тогда к Люське в магазин. Жажда-то – мучит...

...Никто не попался. Василий посидел часок-другой, а может, и третий, на лавочке у своего подъезда, потом снова потащился к ДЭЗу. Заглянул в диспетчерскую.

– А, Рыбаков! – сказала диспетчер Тамара. – Труба твое дело, Рыбаков. Там в семнадцатом муфту сорвало, где ты вчера делал. А тебя еще и нету нигде. Иди к Алле Валентиновне. Ух, злая она! – И повторила: – Труба тебе.

– Явился, чудо? – зловеще прошипела начальница. – Ну-ка, быстро к Палвикчу!

И понеслась впереди.

– Вот он, Палвикч, герой дня!

– Ты что же творишь, а, Рыбаков? – негромко произнес директор, мощный густоусый дядька.

– Чё? – без выражения спросил Василий.

– Вот, – закричала Алла Валентиновна, – он так всегда! Издевается прямо! И над вами, Палвикч, тоже издевается! Да гнать его в три шеи!

– Спокойно, Алла, спокойно, – сказал Павел Викторович. – Скажи-ка лучше, у него выговоры-то есть?

– А как же! Два! Один за прогул, другой за пьянку!

– Ага... Заменить вот только – кем?

– Да Палвикч! Да он же что есть, что нет его! Вы же видите! Мало того, что дерьмом у людей все перемазал, мало, что трубу повредил, так еще и нету его, когда нужен!

– Да, кстати, Рыбаков, – директор заинтересованно уставился на Василия, – ты что там ершиком-то делаешь?

– Это... – сказал Василий. – Муфта не лезла... Стена мешала... Ершиком трубу поддел...

– Ясно, – проговорил Павел Викторович. – Поддел, от стены отжал, муфту насадил, да заодно и перекошил все. Вот ее и сорвало. Мудак ты, Рыбаков, редкий. Да еще измазал все. И нахамил. Давай, Алла, готовь приказ. Две недели только пускай отработает. Не спорить! – прикрикнул он.

– Тогда и меня увольняйте! – истерически выкрикнула Алла Валентиновна. – Не могу я с ним! Вы его хоть понюхайте! Как из выгребной ямы разит! А напьется, так вообще! Понюхайте, понюхайте!

– Еще чего, – поморщился директор. – Буду я слесарей нюхать... Да и насморк у меня. Слушай, Рыбаков, я тебя либо по статье уволю, либо если завтра же уйдешь, то по собственному желанию, черт с тобой. Как?

– Чё? – спросил Василий.

– Мать твою... Короче, садись, – он с сомнением посмотрел на штаны Василия, – ладно, садись, заявление пиши. На мое имя. Прошу уволить меня по собственному желанию с такого-то числа. С завтрашнего. Понял? О господи! Алл, напиши ты за него, пусть распишется только. Слушай, а кого вот только на участок его кинуть, а?

– А знаете, Палвикч, – сказала Алла Валентиновна, – у меня в подъезде, этажом ниже, семья живет, так у них мальчишка как раз из армии вернулся. А до армии как раз ПТУ окончил, слесарь по специальности. Мать его пристроить мечтает, а то болтается с друзьями-то, попивает... Давайте его!

– Молодой специалист... – скептически протянул директор. Потом вздохнул. – Ну, давай, веди завтра. Что, Рыбаков, расписался? Давай сюда. Подписываю. Алла, в кадрах там проследи все и в бухгалтерии. Все, Рыбаков, бывай. Инструмент сдать не забудь. Да не мне на стол, дубина! В диспетчерскую, что ли, положи.

На выходе начальница уже спокойно сказала Василию:

– Утром за расчетом зайдешь. Прямо в бухгалтерию иди, потом в кадры. Будь здоров.

Василий не спеша добрался до своего подъезда, уселся в обычной позе. Вечерело. Мимо, переваливаясь на опухших ногах, прошла жена, что-то сказала – Василий промолчал, и ничто не шевельнулось ни в его душе, ни в штанах. По правде говоря, в штанах-то у него уж много лет ничего не шевелилось.

Потом появился сын с Джеком на поводке. Оба покосились на Василия, причем Джек прижался к ноге сына, и заторопились. Пересекли дорогу, сын отстегнул поводок, сказал: «Гулять!», Джек помчался по пустырю, скрылся из вида. Василию стало немного грустно. Сын-то ладно, а вот Джек...

Несколько раз Василий заставлял себя напрягаться – это когда из соседей кто-нибудь рядом оказывался. Стрельнуть закурить пару раз удалось, а вот двадцать четыре рубля никто так и не дал.

Ну и ладно. Возникла картинка: он получает в ДЭЗе деньги – начальница вроде сказала получить – и все-таки идет к Люське. Вот и хорошо.

Ближе к вечеру Стекланный Вова с работы своей вернулся. Занял прежнее место, вытащил пиво из портфеля, быстро остекленел.

Так и сидели.

Когда стемнело, Вова отправился домой – ни слова за весь вечер не проронил, – а Василий побрел к своему пруду. Забрался в воду по пояс, медленно упал лицом вниз. Уже под водой

перевернулся на спину, скользнул вбок, лег на привычное место. Что-то уперлось в спину. Завел руку, пощупал – банка консервная, пустая. Отпихнул. Теперь удобно. Замер.

Лежал долго. А может, не очень. Какая разница?

Очнулся от яркого взгляда двух пар зеленых глаз. Ага, родичи. Целых двое. Один знакомый вроде бы. Точно, приходил уже. Другого Василий раньше не видел. Похож на первого, только посветлее чуток.

– Все лежишь? – спросил тот, что посветлее.

– Пошел ты, – пробормотал Василий.

– Я ж тебе, Аникей, говорил, – заметил более темный. – Лежит и лежать будет. Гнилой он. Аникей отплыл, сделал круг по пруду, вернулся.

– Да, Тимофей, – сказал он, – нечего возразить. Ошибся Феофилакт, ох как ошибся! Где ж глаза его были? Куда ж он чутье свое знаменитое подевал?

– Старость не радость, – проговорил Тимофей.

– Да не в этом дело! – отмахнулся Аникей. – Водка, вот что... Любим мы, водяные, выпить...

– Ох любим! – поддакнул Тимофей.

– ...а тут еще и стресс, – продолжил Аникей. – Ведал болотом знатным, а ему вместо болота – раз, и пруд с нечистотами людскими! Вот и не выдержал старик... Ну, с этим-то что делать будем?

– Да мальчонку-то, – сказал Тимофей, – по-любому запускать надо. Парнишка хороший, стараться будет. Почистит все, хоть и не сразу – работы тут непочатый край. Утопит кого следует. Паразитов отвадит. Может, и с говносливом справится.

Аникей поморщился:

– Выражения у тебя...

– Ты, Аникей, – хохотнул Тимофей, – у себя на Светлом скоро совсем приличным станешь, словно и не нечисть. Боюсь я за тебя, церковь-то на берегу озера – опасная штука. Ты, если что, зови, я к церковным делам да к приличиям нечувствительный!

– Я уж сам как-нибудь, – сухо сказал Аникей. – Ты, Тимоша, не отвлекайся. С этим, говорю, что делать будем?

– Может, это... на Божье его? Дубина же дубиной, все ему нипочем...

– Ты спятил?! С Божьим даже Христофор не справился, а вот уж всем водяным водяной был! Застал ты старика-то, Христофора-то? А, ну да, застал... Не-е-ет, Божье – его общими силами надобно, да не какими-нибудь... Слыхал я, собирают артель для Божьего: Евстафий с Сиваша, Меркул с Васюганского, еще кто-то. И мы с тобой, как местные. Глядишь, и вытянем.

Тимофей поежился.

– Да я тоже слыхал... С Мертвого вроде... этот, как его... Менахем, что ли... С Эверглейдса какой-то еще... Вишь, болотные все, да экие сильные. Мы-то с тобой чисто наблюдать станем. А все одно боязно... Ну, где наша не пропадала... А этого, Аника, давай к Феофилакту наладим. Напортачил старик с перепоею, вот пускай сам и разбирается как хочет.

– Голова! – обрадовался Аникей. – Ну, начали!

Водяные синхронно наставили на Василия заскоружные руки с растопыренными пальцами и размеренно произнесли в унисон:

– Мы, Аникей со Светлого озера и Тимофей с Темного озера, как старейшины водяных этого края, отрешаем тебя, вуташи Василий, от несения службы в данном пруду, а равно и в любом ином водоеме. Направляем тебя, вуташи Василий, к создателю твоему, болотному Феофилакту, в припятские топи. Вот тебе стрелка.

Перед глазами Василия, то ли у него в голове, то ли снаружи, возникла ярко-зеленая стрелка. Крутанулась, покачалась туда-сюда и застыла.

– По ней пойдешь – Феофилакта найдешь, – заключили водяные. – Встань, всплыви, выйди. Сказано.

Василий покорно всплыл, встал на ноги, поплелся к берегу. Сзади послышался всплеск, затем голос:

– Эй, как тебя! Молодой специалист! Алексей! Заходи!

С берега в пруд ринулся паренек с зеленоватым панковским гребнем на голове. Залез в воду по колено и шустро нырнул рыбкой.

Василий шел по стрелке. Стоило свернуть – и она тоже поворачивалась. Василий, предположим, правее берет – стрелка влево отклоняется. Василий влево – стрелка, наоборот, вправо. Иди, мол, куда указано, нечего вилать.

И вдруг – заколыхались картинки: вот он сидит на детской площадке, ждет, когда ДЭЗ откроется; вот он в кассе, получает бумажки и кружочки; вот он у Люськи, распихивает по карманам завернутые в газету бутылки; вот усаживается на свою скамейку; вот, не обращая внимания на Стеклянного Вову, да и вообще на кого бы то ни было, утоляет, наконец, свою неизбывную жажду.

Последняя картинка так и застыла у него в голове. Стрелка померкла, а вскоре и вовсе погасла. Василий остановился, потоптался на месте, высморкался как следует, снова посмотрел картинку, судорожно сглотнул – и, сменив направление, двинулся к ДЭЗу.

Глава 4

Горячий денек

1

Жаркие дни, теплые ночи; горячее солнце, россыпи звезд; ни облачка на небе, то призрачно-голубом, то глубоко черном, – все это не радовало Викентия. Потому что, во-первых, в гробу он видал это солнце и эти звезды. Во-вторых, лес явно страдал от сухости – не хватало хорошего дождя. А в-третьих, по такой погодке люди из соседнего района поперли в лес, словно полчища саранчи.

Явится такая компания, с ними дети бестолковые, крикливые, сопливые, кастрюля мяса замаринованного, полдюжины кирпичей, магнитофон, гитара, водка, пиво. И ну ветки ломать, костер жечь, кирпичи выкладывать, мясо на палки нанизывать, палки эти на кирпичи устанавливать... И водку с пивом глушить. И магнитофон на полную громкость. И дети кусты ломают. И все, что дети, что взрослые, – гадят, гадят, гадят. Бутылки пустые оставляют, пакеты скомканные, бумажки разные, окурки вонючие, кал, мочу.

А уж на гитарах заиграют – кикиморы болеть начинают. Кикимор-то не жалко, да ведь непорядок!

Всю неделю так, без выходных. Вернее, как будто у них все дни выходные.

А лешему это – хуже нет. Потому что он, леший, – хозяин леса, он лес оберегает и лесом живет.

Есть такие люди смешные, которые себя хозяевами тут считают. Лесники называются. Дураки, вот они кто! Люди, одним словом...

Леший в лесу хозяин, леший! А Викентий в этом лесу – над всеми лешими главный. Так вся братва и знает: Викентий – смотрящий.

Трудно, ох трудно стало в последние годы, с тех пор как район этот прямо у опушки построили. Раньше, конечно, тоже люди забредали, но ведь в разумных пределах лесу это только на пользу. А если кто безобразничал, всегда управу находили. Пугнешь, бывало, – дорогу забудут. А то еще заманишь к сосенкам каким-нибудь, безобидным с виду, и начнешь по кругу водить. Часа два. Или три. Или до темноты. И лешему развлечение, и людям-безобразникам назидание: с лесом шутки плохи!

Теперь труднее: людей этих прорва ненасытная, а штат у Викентия какой был, такой и остался. Да и подраспустились лешие, особенно – кто помоложе. В район ходят, хулиганят, разбойничают прямо. С родней дальней склочничают. Давеча вот на Ырку чуть не наехали, отморозки. Спасибо, хоть к джинну не цепляться ума хватает. Живет в районе джинн один, увечный вроде бы, не трогает никого, а только все равно – Викентий поежился – как жахнет, всего-то от леса и останется, что пеньки горелые...

А то еще девок на опушку приволокут, непотребщину учинят, даже сами водку пьют. И гадят, как люди. Если не хуже. А бывает, наркоманов к мухоморам приманивают. Те нажрут, а лешие потом из нажравшихся дух пьют – говорят, гораздо вкуснее, чем из мухоморов непосредственно...

И не понимают, что леший ведь только лесом и живет! Нечем ему больше жить, на то и леший! Вот умрет лес – уходить придется, а ведь сотни лет тут обитали...

Эх, горе горькое, плесень замшелая, трава побитая... Надо им было Новокузино свое тут строить... Строили бы дальше, на болоте... Там, правда, тоже понастроили, чуток позже только. Так водяной, что за болотом этим смотрел, запил сильно, а потом сгинул куда-то. А как же, у него ж специальность была – болотник. В пруд, что остался, канализацию вывели,

втихаря, конечно, да от этого не легче. Такое из водяных разве что вуташи стерпят – они-то, вуташи, из утопленников, им чем гаже, тем слаще...

Сгинувшему болотнику (чудно его звали – Феофилакт) Викентий сочувствовал, хотя вообще-то лешие с водяными особой дружбы отродясь не водили. Но дружба не дружба, а уживаться приходилось: в лесу ли озерцо, болотце, ручей какой-никакой, вдоль реки ли рощица – никуда друг от друга не денешься... Эка... экосистема, вот – запнувшись, смотрящий мысленно выговорил новомодное словцо.

И защиты ниоткуда, горестно размышлял он, шевеля косматыми седыми бровями. Вот тем же водяным – все полегче, у них покровитель высокий объявился. Как его звать-то?.. Не по-русски как-то... Мовиль... Или Вильмот, что ли... Свирепый, говорят – страсть. Очень за водоемы бьется, особенно за водохранилища. Чуть что – давай крушить да ломать! Домовые от него, слышно, стоном стонут: только обживешься – и на тебе, съезжай!

Викентий не сомневался, что Вильмот этот или Мовиль сам из водяных. Не чистокровный, может, но кто-то там в родословной имеется.

«Связаться с ним как-нибудь, – прикидывал Викентий. – У меня же в лесу тоже и озерца, и источников несколько, некогда чистейших, а нынче загаженных донельзя. С водяными тутошними поговорить, да и выйти на него... А что? Общий ведь интерес-то!»

Набредя на дельную мысль, Викентий немного повеселел, вылез из любимого бурелома и, в знак улучшения настроения, выпустил в лес гулкое уханье. Пора туристов погонять.

2

– Ну Вик, ну чего бы дома не остаться? – ныл Дима. – Ну куда тебя несет, а?

– Ничего, Смирнов, терпи, – бойко отвечала Вика, – не пожалеешь! Я позабочусь!

Она искоса бросила взгляд на мужа – да такой взгляд, что Дима подумал: сумку с шашлыком и бутылкой вина можно было бы повесить на его «красного богатыря». Блядский взгляд, прямо сказать.

После событий вчерашнего вечера и сегодняшнего утра Вике втемяшилось, что им совершенно необходима сексуальная экзотика. То есть не сразу втемяшилось, а после посещения вертикального солярия. Но втемяшилось крепко. Вернувшись домой свежезагорелой, она безжалостно выключила телевизор, содрала с себя стринги, повалила Диму на диван, откуда они скатились на ковер, сдернула с мужа джинсы и трусы – до колен, уселась на него верхом и исполнила довольно темпераментную джигитовку. Затем сообщила, что условно довольна, однако этого мало. Экзотика, Смирнов, экзотика! И потащила его на Бугровский рынок – за парным мясом. Спасибо, хоть штаны дала натянуть. А то о стрингах своих даже не подумала.

Только парное, трещала Вика, и только на рынке, а в магазинах не парное, а размороженное, а тебе, Димочка, и «улан-батору» твоему размороженное как мертвому припарка, а парное вас обоих поставит на ноги, ну и бутылочка красненького, а экзотический секс – это, Димуля, залог здоровья и долголетия и верное средство от целлюлита, и так без умолку, не стесняясь попутчиков по маршрутке.

На рынке она основательно выпотрошила мужа. И не только в смысле финансов выпотрошила. Мясо выбирала часа полтора – с Димы, ненавидевшего всякий шопинг, сошло если не все семь, то уж точно пять потов. В конце концов остановилась на туше, которая еще вчера якобы хрюкала. Почему-то никому не верила, а вот этому рубчику поверила.

На Диму же мужик произвел впечатление скорее жутковатое. То ли кореец, то ли китаец, но не щуплый, как обычно бывает, а крупный, даже громоздкий. На левой руке трех пальцев не хватает. Хромой на правую ногу. И ко всему – одноглазый. Из щелочки единственного глаза словно лазер бьет. Голос скрипучий, акцент ужасный, почти ничего понять нельзя. Во сне такого увидишь-услышишь – можно простыни менять.

А Вике словно нипочем. Потом объяснила: он же, Димочка, не продавец, он рубщик, он просто продавца на минутку заменяет. Продавец, вернее, продавщица куда-то отошла. В туалет, наверное, но это не важно. А важно, Димуля, что продавцы всегда врут, а рубщик врать не приучен, а этот чучмек такой тупой, что вообще врать не умеет. Так что шейка, Смирнов, стопроцентно парная. Сейчас мы ее дома замаринуем и... ну, что-нибудь придумаем! Только вина еще не забыть!

Вина купили тут же, в магазинчике при рынке. Дима нацелился было на пиво, но возмущенная Вика так резко повернулась к нему, так взметнула своей коротенькой юбочкой, что он не решился настаивать. Купили бутылку какого-то французского. Название «Гранд амур» показалось Диме сомнительным, но Вика прошипела:

– Амур, Смирнов! Амур же! – И бутылка улеглась в сумку.

Еще прихватили литр кефира, которого Дима вознамерился отпить, но не успел.

– Это не для питья кефир, – сказала Вика, – это для маринада. Какие же вы, мужчины, все-таки бестолковые!

Уже почти на самом выходе с рынка, в тамбуре, Вика вдруг воскликнула:

– Черемшу же забыли! И не надо так вздыхать, Димасик, черемша очень потенцию повышает! – Громко воскликнула, без стеснения, причем в тот самый момент, как с улицы вошел в тамбур нескладный долговязый очкарик лет то ли тридцати, то ли сорока. Дима покраснел, и очкарик покраснел, и тут же в тамбуре стало трудно дышать. Надо же, подумал Дима, перднул чувак от смущения, да вонюче как. А Вика наморщила носик и решительно сказала:

– За мной, Смирнов!

Прошли через фруктовые ряды – Дима отметил забавную сценку: смуглый узбек, а может, туркмен, покупал курагу, витиевато торгуясь с продавцом-азербайджанцем – и попали к прилавкам с соленьями-квашеньями. Пахло одуряюще. Купили черемши, снова наткнулись на давешнего очкарика, пробовавшего маринованный чеснок, и наконец покинули рынок.

Дома Вика велела мужу нарезать шейку на куски средней величины, сложить все вон в ту кастрюлю, посолить, поперчить, перемешать, выдавить туда же лимон, снова перемешать и залить кефиром, после чего закрыть кастрюлю крышкой и поставить в холодильник.

– А я, – сообщила Вика, – в душ пойду, а то запарилась тут с тобой. – И подмигнула непристойным, развратным каким-то образом.

Эх, подумал Дима, исполняя поручение, напрасно отгул взял... Сидел бы сейчас в кафе, пиво бы потягивал... А в Викторию прямо бес какой-то вселился... Он залил мясо кефиром, выпил все-таки с треть стакана, засунул кастрюлю в холодильник и услышал Викин голос: «Димочка!»

Он вошел в ванную. Вика, блаженно стоявшая под душем, выглядела, он не мог не признать, чрезвычайно соблазнительно.

– Фу, Смирнов, – сказала она капризно, – какой ты потный! А ну, иди сюда!

«Может, все же не зря я отгул взял», – подумал Дима, сбрасывая одежду и залезая под душ.

В узкой ванне было тесно и скользко. В конце концов Вика встала на четвереньки и командовала:

– Давай, Димка! Ну, давай! Ну! Ну! Ну! Ну!

Дима, пристроившись сзади, хрипло вторил:

– На! На! На! На!

Когда все закончилось, Вика объявила, что это уже лучше, а теперь она хочет спатеньки, и Димуленька должен завернуть ее в полотенечко и отнести в кровать.

– Ой! – нашелся Дима. – Мне в туалет.

Вика пропела ему вслед:

– Како-о-ой!

Он проторчал в сортире минут пятнадцать, гадая, что же сделали с его женой в этом солярии. Потом осторожно вышел, тихо оделся, заглянул в спальню – Вика как будто спала – и пробормотал:

– Я за хлебом... Хлеба купить забыли...

– Зачем тебе хлеб, – сонно проговорила Вика, – когда у тебя есть я? Иди скушай свою девочку...

Не открывая глаз, она сбросила одеяло, бесстыдно раскинула ноги во всю ширь кровати и, чуть слышно постанывая, принялась поглаживать руками свою грудь.

– Викусь... – ошарашенно выдохнул Дима, – ты чего? – Как-то не замечал он раньше за женой такого... такой... он даже затруднялся назвать, чего такого или какой такой.

– А потом я тебя скушаю... – сдавленным голосом пообещала Вика.

Что ж, первая часть Диме, в общем, удалась, а вот вторая... Короче говоря, его «улан-батору» требовался отдых. Даже, пожалуй, самому Диме он требовался: последние события, особенно поход на рынок, совсем его измотали. И очень хотелось пива.

Впрочем, жена, кажется, не была в претензии.

Он все-таки выскользнул из дома, добрал до киоска, что на автобусной остановке, купил бутылочку «Туборга», выпил ее, сидя на скамейке у подъезда, – про хлеб забыл – и вернулся домой. Вика спала. Он включил телевизор, приглушил звук, прилег на диван – и тоже задремал.

Спалось плохо: привиделись какие-то мерзкие коты, рыжий и черный. Рыжий был издевательски вежлив, даже елеен, черный же не скрывал враждебности и все норовил цапнуть Диму когтями, приговаривая: «Вставай, Смирнов, хватит спать!»

Дима сильно вздрогнул и проснулся, весь в поту. Над ним стояла обнаженная Вика, говорившая обиженным тоном:

– Вставай, Смирнов, хватит спать! Это все не экзотика была! Собирайся!

Что ж, деваться было некуда. Тем более что Димин «улан-батор», в отличие от своего хозяина, казалось, все же набрался новых сил. Дима попытался было обвить рукой стройное и гладкое бедро жены, но та заявила, что домашняя сессия закончена. Собирайся же, Смирнов, не тормози!

Собрались, и Вика потащила мужа в сторону леса.

– Давай, Димочка, давай! – щебетала Вика, бросая на мужа жгучие взгляды. – Кончай ныть, уже почти пришли!

Действительно, чтобы попасть в лес, оставалось только перейти через улицу.

Очень хотелось еще пива. Впрочем, и вино, наверное, будет в жилу. Ну, Викусик, держись, подумали оба – и Дима, и его «красный богатырь».

3

Разругавшись с продавщицей – ни с того ни с сего, как показалось той, – Иван мощно вонзил топор в деревянную чушку, швырнул на пол заляпанный кровью халат, сунул во внутренний карман куртки длинный разделочный нож и, хромая, вышел из здания рынка.

Пара, купившая у него полтора без малого килограмма свиной шейки, как раз скрылась за углом, но Иван успел их заметить. Мясо, подумал он, свежее, молодое, упругое мясо. Он двинулся за парой, остановился на обочине шагов за сорок от остановки маршруток, вытащил несколько сотенных купюр, махнул ими. Немедленно остановились ржаво-белые «жигули». Иван сел рядом с водителем, сказал: «Туда. Триста. Четыреста. Стой пока». Бомбила напрягся, но жадность пересилила.

Двое залезли в подошедшую маршрутку. «Туда, – приказал Иван. – Медленно».

Собственно, из двоих его интересовала только девка. Это она была молодым, упругим мясом. Это она нужна Ивану. А парня прогонит. Если, конечно, тот будет умно себя вести.

В мясе Иван разбирался. В чем другом – не очень, а в мясе – как мало кто. Родичи, конечно, тоже разбирались, и не хуже его, да где они, родичи? Далеко родичи, на родине, в Якутии... Да и мало их осталось: зверь ушел, олень ушел, жить трудно. Родичи, все почти, хлипкие оказались, бросили дело, алмазы добывать пошли, еще какими стыдными вещами занялись. А они ведь не кто-нибудь: абасы. Им, абасы, Высшими Духами назначено мясом ведать, оленя мучить, всякого зверя мучить, мясо пожирать, и с мясом – силы звериные пожирать, а мучения звериные Высшим возносить. Бросили, всё бросили...

Он, абасы Иван, не бросил. Хоть и косились на него родичи – неправильный, мол, абасы, настоящий абасы одноног, однорук, одноглаз, а этот недоделанный, – а он, недоделанный, покрепче других оказался. Свирепо со всеми расплевался, проклял всех – и в Москву подался. Думал почему-то, что в Москве этой всего навалом – и оленя, и медведя, и песка, и вообще зверя разного. Москва же! Оказалось – не так. Зато – бойни большие.

Устроился было на бойню, да на другой день дикие русские его выгнали: неправильно, сказали, ты скот забиваешь. Плюнул, в рубщики пошел.

Не то это, конечно, не то... Ничего, осмотрится – найдет по себе дело. А пока что – вот это нежное, сладкое мясо, на длинных гладких ногах, влажно-пряным пахнущее, с ума сводит.

«Жигули» следовали за маршруткой, Иван зорко следил единственным глазом – не упустить бы. Попытки водилы завязать разговор – пустой, конечно – пресек коротким рыком: «Тихо».

Иван проследил добычу до самого подъезда: когда пара выпрыгнула из маршрутки, сказал бомбиле: «Стой», сунул две сотенные, сверкнул глазом, оскалил зубы – пустой человек за рулем только открыл и закрыл рот, – вылез из гнилого корыта и, держа дистанцию, пошел за теми двоими.

Внутри все дрожало.

Он устроился на скамейке у аптеки наискосок от подъезда и принялся ждать. Он хорошо умел ждать.

Вот тот парень, словно ошпаренный, выскочил из подъезда, перевел дух, потоптался на месте и пошел к остановке. Иван повернулся так, чтобы его лица не было видно.

Мясо дома одно. Пора? Нет, не пора. Парень вернулся к подъезду, держа в руке бутылку пива, сел на лавочку, скovyрнул пробку, присосался. Ивана передернуло.

Парень допил свою гадость, понурился и скрылся в подъезде.

Что ж, будем ждать дальше.

Прошло два часа. Или три часа. Какая разница? Иван дождался: пара показалась из подъезда, обогнула дом и двинулась через дворы в сторону леса. Иван последовал за ними. Можно было даже не держать добычу в пределах видимости: пряный запах, источаемый девкой, так и бил в короткий широкий нос абасы.

В лес идут. Это хорошо.

4

Боканон Матвей, нескладная очкастая дылда, крался за опасным монголоидом. Остаться незамеченным было бы нелегко, но монголоида поглотило преследование молодой пары, точнее – Мотя это чувствовал – прелестной юной девушки.

Доброе сердце боканона сжималось. Девушка, случайно встреченная на рынке, совершенно очаровала его. Столкнулись носом к носу, она что-то – Мотя не разобрал – говорила прелестным голоском своему спутнику, Матвей мгновенно влюбился и – надо же! – тут же испортил воздух. Смутился страшно.

Влекомый силой любви, Мотя, как мог осторожно, потащился за красавицей. Повезло – она направилась к соленьям, где стояли сильнейшие запахи. Выпускаемые боканоном газы

там почти не ощущались, так что он позволил себе приблизиться к любимой. Ах, кружилась Мотина голова, богиня, настоящая богиня!

Потом богиня покинула рынок, боканона потащило за ней. И тут появился этот страшный монголоид, и Матвей понял, что предмету его любви грозит ужасная опасность, и решил, что спасет свою волшебницу, спасет во что бы то ни стало, и, может быть, благосклонная улыбка станет ему наградой.

Да, боканон Мотя отличался нежным сердцем, влюбчивостью и исключительной застенчивостью. Как же не быть застенчивым, если в Черном Реестре про род боканонов сказано: дух безобидный, но зело смрадный и, поворотившись задом к супостату, газами оно до смерти поражает!

Матвей всю жизнь очень боялся к кому-нибудь невзначай задом повернуться, ибо газы из него выходили почти непрерывно. Потому слыл человеком хотя и страдающим метеоризмом, но хорошо воспитанным. В школе, где он работал учителем по начальной военной подготовке – это было удобно, потому что часто ученики сидели в противогазах, – Мотю любили, а по поводу непроизвольного газоиспускания – сочувствовали. До того, что на последний День защитника Отечества подарили, помимо бутылки коньяка, патентованные противометеоритные трусы. Матвей тогда чуть не умер от смущения и стыда, хотел даже увольняться, но, когда выяснилось, что трусы подарила мужская часть коллектива – директор, физкультурник, трудовик и молодой географ, – причем подарила втайне от женской части, немного успокоился. «Не бзди, Маттеус, – пошутил тогда разбитной физрук, – прорвемся!» Трусы эти, впрочем, почти не носил – в них его крайне неприятно и как-то безысходно пучило. К тому же гнилостного запаха отрыжка покою не давала.

Хорошо было бы не в школе работать, а в армии служить, в химвойсках. Но в армию Матвея не брали по причине плоскостопия.

«Горькая наша боканоновская доля, – размышлял Мотя, преследуя монголоида. – Для чего нас создали? Зачем мы живем? Всего-то и смысла – воздух портить. Ну да, нечисть же мы... Но к чему тогда создатель наш, кто бы он ни был, дал нам добрые, любящие сердца? Какая злая ирония двигала им, когда ко всему обрекал нас еще и на одиночество? Всегда стремиться к любви – и всегда быть одному-одинешеньку... Маленького боканончика, которого я рожу в пятьдесят лет, думал Матвей, конечно же буду любить, жалеть, воспитывать. Но ведь это не та любовь, совсем не та...»

Он из последних сил сдерживал рвущиеся наружу газы – боялся выдать себя раньше времени. А время настанет! Мотя чувствовал это и вновь убеждался, что когда-то давно нашел верный ответ на мучивший его вопрос: он живет для того, чтобы защищать тех, кого любит. Пусть даже защищать своей непереносимой вонью, но – защищать!

Его богиня со своим спутником вошла в лес. За нею последовал монголоид. Матвей втянулся туда последним.

5

– Вот, Смирнов, на этой лужайке и остановимся, – сказала Вика. – Кто-то тут, видишь, шашлыки уже жарил, кирпичи стоят. Ставь сумку и давай-ка хворосту набери.

– Викусь, – засомневался Дима, – что-то очень уж от дорожки близко. Люди ходят, увидят нас...

– И пусть смотрят! – заявила Вика. – Мы что, плохое что-нибудь делать будем? – Глядя на мужа, она медленно облизнула губы. – И вообще, риск придает сексу пикантность.

Дима вздохнул, поставил сумку, вытащил из нее туристский топорик и двинулся к ближайшей березке. Вика тем временем уселась на удобное бревнышко, вытянула ноги, запрокинула голову, закрыла глаза и мечтательно улыбнулась.

Дима примерился и нанес березке первый удар.

Из глубины леса протяжно заухало. Дима замер.

– Ё-моё! – сказал он испуганно. – Это еще что такое?

– Да филин какой-нибудь, – легкомысленно ответила Вика. – Чего ты испугался-то?

– Филины, – возразил Дима, – и совы там всякие, они по ночам только ухают.

– Да какая разница? Ты, в конце концов, хочешь или не хочешь, а, Димкин? Ну ладно, заждался, мальчик, ну иди ко мне... Первый сеанс, дрова потом... – Вика потащила через голову свой топ.

В этот момент на лужайку вышло сразу трое мужиков: с одной стороны – двое молодых, коренастых, коротко стриженных, с бычьими шеями, чистые братки; с другой – рубщик мяса с Бугровского рынка.

– Ёкэлэмэнэ! – воскликнул один из братков, глядя на рубщика. – А ты, косоглазый, куда приперся-то? Тебя кто звал-то? Понятия не для тебя, что ли? Давай вали, пока цел! Ты, чувак, – обратился он к отвесившему челюсть Диме, – тоже свободен. А ты, красивая, – браток устал, – остался на замершую с тряпочкой топа на голове Вику, – оставайся. Мы пацаны правильные, обижать не будем!

Второй заржал.

Рубщик мяса оскалил зубы и зарычал. С деревьев полетели листья.

– Ой, страшно! – издевательски пропищал первый браток.

– Я щас прям обосрись! – подхватил второй.

Вика наконец сняла топ. Глаза ее странно блеснули.

Рубщик двинулся на братков.

– У, лешаки проклятые! – прохрипел он.

– Не ссы, абасы! – проронил второй браток. – Наша территория, сейчас свистнем, братва подвалит, последний глаз на очко натянем!

На лужайке появилось новое действующее лицо. Дима узнал нелепого очкастого дылду, мельком виденного на рынке.

– Руки прочь от девушки! – выкрикнул очкарик. – Все прочь! Девушка, ничего не бойтесь, я с вами!

– Ну, бля, набежало! – усмехнулся первый браток. – Ты-то куда, лошина позорная?

– Девушка, ложитесь! Лицом вниз! Быстро! – Очкарик дал петуха, но Вика почему-то послушалась и упала ничком.

Очкарик повернулся к браткам и рубщику спиной.

...Что было потом, Дима помнил плохо. Его неудержимо рвало, а на лужайке никого, кроме рыдающей Вики, уже не осталось. Только, в успевших надвинуться и даже сгуститься сумерках, как показалось, выглянуло из-за деревьев лицо с косматыми бровями, коротко, жутко ухнуло и исчезло.

...Когда они добрались до дому, совсем стемнело.

– Ну тебя, Смирнов, к чертовой матери с твоим экзотическим сексом! Извращенец! – сказала Вика, запираясь в ванной.

«Ну вот, – подумал Дима, – как всегда... Переклинится на дряни какой-нибудь, меня втянет, а потом я же и виноват. А кто ж еще виноват, как сказала Вика, когда в прошлом году ей на трусы, что на балконе на веревке сушились, голуби нагадили. Ты, Смирнов, и виноват!...»

...А смотрящий леший Викентий, сделав строгий выговор двум молодым отморожкам, Аркадию и Григорию, принял окончательное решение: пробиваться к этому... к Вильмоту... а то погибнет лес.

Глава 5

Лед и пламень

1

– З-з-з-з! – басовито звенят высоковольтные провода.

– З-з-з-з! – вторят выющиеся на чахлых цветах мушки.

Август, зной. Девятилетняя Злата сидит на занозистом деревянном ящике, принесенном кем-то к опоре ЛЭП. Кругом зонтики. Это такие растения – голый стебель, а сверху вроде абажура. В августе, мама говорила, они ядовитые. А может, в апреле, Злата забыла.

Вообще-то зонтики бывают в ее, Златин, рост – а она девочка мелкая, хотя и крепкая. Тут, под проводами, вымахали в два Златиных роста. Как деревья. Таких больше нигде нет. Папа объяснял – мутанты. Все равно непонятно. От электрического поля, добавлял папа. Тоже непонятно. Поле-то электрическое, это да – вон провода какие, – только зонтики-то при чем?

Жарко. На асфальте – особенно. Тут, на электрическом поле, еще ничего.

Раньше, папа рассказывал, на этом поле картошку выращивали. Совхоз какой-то выращивал. Чудное имя – Совхоз. Не русское. Злате представляется черный-пречерный дядька, злой-презлой и старый-престарый. Потому что папа говорил, что он сдох. А когда он сдох, поле захватили под огороды и тоже стали картошку сажать. А потом этих, которые захватили, кто-то прогнал. Теперь тут ничего не сажают – само все растет. Зонтики, кусты разные, трава, цветочки.

Если выглянуть из зарослей, то впереди увидишь большую дорогу – МКАД называется. До нее недолго идти, только дойти трудно – трубы какие-то лежат здоровущие, через них перелезть неудобно. Да и нет там ничего интересного. Машины одни.

Обернешься – улицу увидишь, совсем близко. Машин на ней немного, а на той стороне – пруд. Мама только не разрешала в этом пруду купаться – вонючий он, говорила, грязный. И еще у него недобрая... эта... как ее... репутация, вот! Злата думала, что репутация – это вроде как улыбка. Тоже бывает недобрая. Мама про соседку одну сказала как-то раз: сама сюсюкает, а улыбка-то у нее недобрая. Только откуда у пруда улыбка?

Ну и ладно. Тут, у опоры, тоже неплохо. Вот через одну опору – там страшно, особенно когда стемнеет. Потому что около той опоры глупые люди своих собак и кошек хоронят. Мама с папой очень на этих людей сердились.

Вправо, влево посмотришь – конца полю не видно. Но Злата знает, что справа тоже ничего интересного, а слева поле вдруг переходит в маленькую рощу, а за ней всегда глубокие лужи, а потом озеро, все травой заросшее. Называется Темное. На другом конце озера трава расступается, там купаться можно, но только одной – ни в коем случае.

Мама, правда, ничего уже не запрещает – она болела-болела, болела-болела и умерла. Теперь мама на небе, но оттуда-то все видно, а огорчать маму не хочется.

Папу тоже огорчать не хочется, только папа и не огорчается больше. Он, как мама умерла, пропал куда-то на целых два дня, пришел совсем пьяный, а потом уехал. Тетя Геля, соседка, сказала: слабый он, как все мужчины, вот и сорвался. Глупости какие! Папа сильный очень, уж посильнее тети Гели. И ниоткуда он не сорвался, просто уехал. Поговорил с тетей Гелей и уехал.

А тетя Геля за Златой присматривает. У нее улыбки недоброй нет, она вообще не улыбается. Строгая, учительницей же была раньше. Но незлая и присматривает не сильно. Все занята чем-то, люди к ней разные приходят то и дело. А сильно-то присматривать и не надо: Злата уже не маленькая. Скоро в третий класс...

Тетя Геля все ждет, когда Злату бабушка к себе в Липецк заберет. Надо, говорит, чтобы до первого сентября. А бабушка, говорит тетя Геля, тоже болеет. Но скоро выздоровеет и заберет.

В Липецк неохота, Злате в своем классе хорошо. Но тут уж ничего не поделаешь.

А вообще-то теперь плохо. Без мамы. Что дома, что в Липецке.

Злате надоедает сидеть, она поднимается с ящика, выходит из зарослей гигантских зонтиков, бредет по тропинке налево, поминутно отвлекаясь на жучков-червячков. «Дойду до больших луж, – думает Злата, – посмотрю на паучков, что по воде бегают, и – домой. Тетя Геля ужином накормит, а спать я сама улягусь».

Ой, в кустах слева лягушонок! Какой хорошенький! Куда ты? Не бойся, дурачок!

Что-то мягкое под ногами, пищит. Злата отступает в сторонку.

Налетает порыв ветра, горячего, даже раскаленного. Девочку почему-то охватывает дикий страх, хотя еще светло, и машины шумят, и голоса человеческие слышны вдалеке. Но жутко – почти до обморока. Злата пронзительно визжит, несется сломя голову, не разбирая направления, спотыкается, ссаживает коленку, плачет взахлеб, поднимается, бежит, и что-то ужасное, нестерпимо жаркое вот-вот догонит ее, и обернуться некогда, и она снова растягивается на тропинке, на этот раз поскользнувшись, и понимает, что встать уже не успеет, и отчаянно кричит, изо всех сил надеясь, что на небе слышно:

– Мамочка!

2

Захар закончил смену и вышел из Дворца. Жарко. Слишком жарко. Он перебежал через дорогу, сунул голову в окошко киоска при автобусной остановке, сказал толстой потной продавщице:

– Два «Старопрамена».

– Холодного нет, – отдуваясь, предупредила продавщица.

– Какое есть... – согласился Захар. – Одну откройте, пожалуйста.

Он взял пиво – теплое стекло сразу стало охлаждаться, пришлось немного придержать себя, – сел на скамейку, тут же, на остановке, под навесом. Глотнул пива, принялся ждать Зою. Ей еще не меньше часа с малышкой возиться. Ладно, времени навалом...

Он представил себе Зойку на льду, который сам же и готовил только что. Другие тренеры в теплом на лед выходят, а она – как на соревнования. Те удивляются, а ей – все нипочем. Веселая жена Захару досталась, с характером сильным, но ровным и легким. А уж красавица! А умница!

Его душу приятно кольнула ласковая прохлада.

Собственно, досталась – не то слово. Подходили они друг другу, еще с детства далекого. Всем подходили, а особенно тем, что оба в большой мир хотели, не желали на веками насиженном месте сидеть.

Тут ведь как? Человеческий мир наступает, кто-то умеет к нему приспособиться, остается там, где обитал испокон времен. Кто-то – не умеет, таким приходится отправляться восвояси, подыскивать места по себе.

Водяных, например, взять или леших. Понятно, на осушенном болоте никакой водяной не останется – уйдет, хоть на отстойники, а уйдет. Или если лес сводят... Домовые тоже – ломают люди дом, значит, уходить надо, на развалинах или там в многоэтажном гараже домовому делать нечего.

Они, Захар с Зоей, другое дело. Они зюзи, их суть – холод. Зюзя везде проживет. И коли старые, обжитые места покидает, то не потому, что трудно стало, нет: новое зовет, вот и все.

Таких, как они, правда, и среди зюзь немного. Привычка – даже не вторая натура, скорее первая. И на тех, что к новому стремятся, толпа – да хоть обществом ее назови – искося

смотрит. «Больше всех им надо... Ишь умники... Да непутевые, и все тут...» У людей, между прочим, так же, усмехнулся про себя Захар.

А им с Зоей новое позарез требуется. Без нового хоть в печку лезь. Вот и сошлись.

Зяблинка моя, подумал он.

Тут, в Новокузине, пока интересно и уютно. Место славное, родичи дальние имеются – лешие, водяных поблизости парочка хороших (жаль, теплую воду в озерах своих предпочитают), коты с Той Стороны забегают иногда, забавные. Джинн даже приبلудился. Тяжелой судьбы джинн, сразу видно, но фигура, если уметь смотреть – а зюзи умеют, – ох, незаурядная.

Может, даже наверняка, и еще кто объявится. Черный Реестр длинный, а они, Зорченковы, тут недавно. Будет время – со всеми, кто есть, познакомятся. Зюзи народ компанейский.

И – малоосвоенное место, есть чем зюзям заняться. Тем более глобальное потепление кругом. И людей полным-полно, а зюзям такое окружение на руку – теплообмен интенсивнее.

В общем, не то что в родном селе, в Старозюзине их семейном. Там зюзя на зюзе сидит и зюзей погоняет. Полдеревни Зюзиных, Зорченковых тоже много. Все как облупленные. Многие пить пристрастились, да не пивка литр-другой, а до потери сознания и сути. Недаром при словье пошло: «Напился как зюзя».

Нет, тут лучше. А захочется родню провести – так вот оно, Старозюзино, в двадцати верстах всего.

Но пока что не тянет. Да и некогда – дел полно. В супермаркетах, положим, без него, без Захара, с холодильным оборудованием справляются. Зато во Дворце зимнего спорта он лучший ледовар. Кто бы, собственно, другого ждал... А Зойка фигурное катание освоила, что твоя Роднина. Она, Ирина Константиновна, кстати, на четверть зюзя.

Ну, правда, Зойка-то в большой спорт не лезет. Чистокровной зюзе не положено. Зато детишек ко льду приучать, к холоду – это миссия. Даже не так: Миссия.

Захар прикончил уже обе бутылки. Посмотрел на часы. Минут через двадцать Зоя выйдет, можно еще одну себе позволить. Взял, охладил быстро, поднес к губам.

– Пиво распиваем в общественном месте? – с сильным южнорусским акцентом спросил появившийся неведомо откуда неприятного вида милиционер. Пыльный весь какой-то. Потный. И явно склочный. К тому же – Захар присмотрелся – пьяный. Не в зюзю, но ощутимо.

Сержант вдруг покачулся и принялся шарить по карманам.

– Какая с-сука ко мне лазила?.. – невнятно пробормотал он. – Был же столыжник... Найду – убью на хер... – Потом встрепенулся, мутно взглянул на Захара и проговорил: – Ну шо?

Ледовар насторожился. На всякий случай он осторожно просканировал сержанта – да, так и есть! Конечно, это не человек. Должен бы и его, Захара, признать, только не признает почему-то.

– А кому мешаю? – Зюзя решил поразвлечься.

– Закону! – важно объявил сержант. – Придется пройти, гражданин. Для начала – документы предъявите.

– А представляться закон вам, товарищ сержант, не предписывает? – спросил Захар. – Удостоверение показать? Или с людишками и так сойдет?

– Сержант милиции Шищенко, – буркнул милиционер. Вытащив из нагрудного кармана замызганную красную книжечку, он развернул ее и сунул под нос Захару. – Довольны?

– Еще как, – весело сказал Захар и дунул на удостоверение, мгновенно покрывшееся густой изморозью. – А ты доволен, друг? – спросил он и засмеялся.

– Тьфу ты, – пробурчал сержант. – Снова об том же самом месте...

– Нарывался уже, что ли? Так повнимательнее будь!

– Слышь, – забеспокоился вдруг Шищенко, – ты мне это... корку-то разледи, а то несолидно!

– Давай, – согласился Захар.

Шишенко протянул ему книжечку, зюзя втянул в себя воздух – изморозь исчезла.

– Ух ты, – пробормотал сержант. Потом напряженно задумался. – А ты, это... пиво остудить могёшь?

Захар только усмехнулся. Шишенко кинулся к окошку, что-то резко прогнусил и через секунду протягивал зюзе бутылку недешевого импортного «Пильзнера». Вот сука, подумал Захар. Бесплатно же. И не колдовством каким-нибудь взял, а – формой ментовской, вот что главное-то.

Он прикоснулся к бутылке, задержал руку чуть дольше, чем нужно, и сказал:

– Три минуты подожди – оно хорошо охладится. Главное, все три минуты бегом беги. Только к себе бутылку не прижимай, а то ты горячий какой-то.

Шишенко вытянул перед собой руку с бутылкой и побежал. Захар улыбнулся. Через три минуты это пиво в кусок льда превратится.

– Захар! – услышал он.

Зойка, помахивая сумочкой, шла к нему через дорогу. Стройная, длинноногая, светло-волосая и светлоглазая, в майке, мини-юбочке и ажурных босоножках, она казалась воплощением свежести. Сердце Захара снова кольнуло приятным холодком.

3

Существо без имени, формы, цвета и запаха пылало яростью. Это нелепое, жалкое, ничемное человечье отродье позволило себе наступить на беспомощных детенышей! Смерть ему!

Существо убедилось, что детеныши невинны, но ярость не уменьшилась. Человечье отродье, оказавшееся тощей девчонкой, успело отбежать, но недалеко. Не уйдет!

Существо бросилось в погоню, быстро догнало жертву и сбавило ход. Сожрать сразу – этого мало. Пусть девчонка изойдет ужасом, пусть мучения тела и духа станут ее сутью! Тогда – вкуснее.

Существо почувствовало, что к ярости прибавился голод, тоже горячий. Еще бы – на то, чтобы произвести потомство, много сил ушло.

Существо не обладало разумом. Но древнее чутье вело его точно. Всегда. И сейчас тоже.

Жертва упала. Хорошо, можно зависнуть над ней, дохнуть жаром, ощутить ее страх. Как тогда, в том большом каменном доме, где существо прожило много лет. Ах, каким сладостным отчаянием, какой восхитительной мукой веяло от тех узников! Палачи старались, очень старались. А Существо испытывало высшее наслаждение, вселяя беспричинный, казалось бы, ужас и в самих палачей.

А задолго, задолго до этого – Существо помнило смутно – оно так же наслаждалось в обширном подвале деревянного дома. Ярко горел огонь, а над ним корчились человеческие тела с вывороченными руками. Боль, кровь, моча, кал и, главное, смертный ужас.

Но того подвала больше нет, а в большом каменном доме нет узников. К тому же пришло время воспроизводства.

Существо давало приплод раз в пятьсот лет. Для вынашивания детенышей и разрешения от бремени ему приходилось на семь лет укрываться в глухих подземельях, а сразу после родов следовало вытащить новорожденных на поверхность. И тоже укрыться – до тех пор, пока самый сильный не подрастет настолько, что сможет позаботиться о себе. Тогда существо пожирало остальных – обычно их бывало пять, – а оставленный для жизни спасался, удирая как можно дальше. И потом, в каких-нибудь иных краях, становился таким же кошмаром для тамошних обитателей.

Не для всех, конечно. Для нечисти – нет. Наоборот, самому приходилось некоторых опасаться. Проходил тут как-то один – глаза так и жгут...

Да ведь нечисть Существо никогда и не была интересна. Ею питаться не станешь. Люди – дело иное.

Человеческое отродье поднялось и, скуля, побежало дальше. Ну-ну. Существо приотстало, затем ускорило и изрыгнуло очередную порцию жара. Пьянящее ощущение переживаемого жертвой страха пришло в ответ мгновенно.

Существо снова распалило в себе ярость – чтобы ее не вытеснил окончательно голод, чтобы трапеза доставила больше удовольствия, – сделало вираж вокруг девчонки, снова пристроилось сзади. Жертва опять упала, но теперь не спешила вставать. Поняла, что не уйти, потеряла надежду.

Существо нависло над девчонкой пышущим жаром невидимым облаком, неслышимо зарычало. Начало медленно опускаться.

Человечье отродье издало тонкий бессмысленный вопль.

4

– Пиво пил? – спросила Зоя.

– Ага, – ответил Захар, – чешское. Дурака тут еще одного шуганул, – добавил он, смеясь. – Пыльный такой дурак, забыл, как называется. Знаешь, по дорогам они, бывает, хулиганят, пыль гоняют, девчат пугают да скотину.

– Захар, – укоризненно протянула Зоя, – шиши это!

– Точно, шиши! А чего, забыть уж нельзя? Ну да, балбес я, зубрил не как некоторые. – Он с удовольствием чмокнул жену в прохладный висок. – Главное-то помню, пыльные они и безобидные. А этот, честно, дурачок какой-то... Пиво я ему заморозил.

– Вот сам и хулиган, – миролюбиво сказала Зоя. – Алкоголик пивной.

– А ты не хулиганка, что ли?

– Я – нет. Я приличная. И пиво твоё не люблю. Шампанского хочу! Матросик, угостите даму шампанским! Ну ладно, согласна на мороженое.

– Это в момент, – обрадовался Захар. – Вот как раз и ларек!

Зорченковы не торопясь шли по улице. Захар, пародируя их деревенского учителя старика Зиновия, высокопарно распинаясь о достоинствах мороженого разных видов.

– К несчастью, – вещал он, подвывая, – до нас не дошли сведения об особенностях изготовления мороженого древними ацтеками, майя и инками. Но логика, мои маленькие зюзи, – Захар поднял палец, – логика дает нам все основания полагать, что эти цивилизации культивировали применение разнообразных галлюциногенных веществ при производстве сладкого холода. Как то – змеиного яда, секреты игуан и мочи койотов!

Зоя улыбалась.

Потом Захар оборвал себя и серьезно сказал:

– Всю жизнь фигурным катанием заниматься тоже скучно.

– Мне пока нравится, – ответила Зоя.

– Так мне пока тоже. Только вот лет через пять – надоест, а? Я вот думаю: на мясокомбинате нам понравится?

– Да ну, – легкомысленно сказала Зоя. – Рано об этом думать. Исккупаться вот хорошо бы.

– Пойдем, – согласился Захар. – На Темное?

– Конечно. Охладим немножко, Тимошка и не обидится. А Светлое – ну его. Больно уж строг Аникей.

– Ага, – засмеялся Захар. – «Я, как хозяин данного озера, настоятельно прошу уважаемых гостей не своевольничать, бу-бу-бу».

– А нам только дай посвоевольничать, правда, милый?

– Мы такие...

До поворота к Темному озеру оставалось совсем немножко, когда Зоя вдруг остановилась. Лицо ее сделалось напряженным.

– Что? – спросил Захар.

– Тихо! Слушай!

Захар вслушался. Мешало гудение высоковольтных проводов, но он все-таки уловил высоко в небе отголосок детского крика, исполненного муки и страха.

– Ребенок, по-моему, – сказал он. – А что кричал, я не разобрал.

– Девочка. Кричала «Мамочка!». Да как кричала! Подожди! – Зоя снова замерла. – Ничего не ощущаешь, зюзя?

Захар напряг все девять чувств. Жар, сильнейший жар докатился до него. Правда, уже выдохшийся. Но – как раз оттуда, откуда мгновением раньше донесся тот отчаянный крик.

Захар прокрутил все, что знал, вспомнил родное Старозюзино, уроки старого Зиновия, вывесил перед мысленным взором листы Черного Реестра и уверенно объявил:

– Каркадил. Скотина безмозглая, злобная. Без формы, цвета и запаха. Ух, пылает как!

– Девочку мучает, – сказала Зоя.

– Ну, собственно... – засомневался Захар. – Нам-то что? Мы что, Служба спасения? Девять один один?

Зоя презрительно взглянула на него:

– Ненавижу этих тварей! Ошибка Высших! А девочка, может, ученицей моей станет!

Короче, ты как хочешь, а я...

– Ладно, ладно, – торопливо произнес Захар. – Все правильно. Побежали!

5

...Чудовище стремительно удалялось, издавая не воспринимаемый человеческим ухом вой. Все вокруг было побито лютым морозом. Лежавшую ничком девочку покрывала корка льда.

– Что, размораживаем? – устало спросил Захар.

– Подожди, – шепнула Зоя, снова замерев.

Захар вслушался. Да, что-то настораживало. Не сильно, но все-таки. Поблизости... вот... нет, не разобрать. Зоя чутче.

– Что? – спросил он тихо.

– По-моему, щенки... или как их назвать... мерзость...

Зоя сочувственно посмотрела на мужа:

– Направление хотя бы чувствуешь?

Захар мрачно кивнул.

– Ладно, – вздохнул он. – Гляну, что там за щенки. А ты этой займись... Снегурочкой... Все равно у тебя размораживать лучше получается.

– А у тебя – замораживать, – откликнулась Зоя. – Я тобой горжусь.

– Да ну...

Зоя приблизилась к девочке, вознесла над ней руки – ладонями вниз, сделала глубокий вдох. И еще. И еще. В ледяной корке появилась трещина. Когда от Зоиных рук повалил пар, Захар повернулся и двинулся на слабый сигнал.

Каркадилят он нашел быстро. Действительно, недалеко спрятаны были. Только совсем малы, потому и тянет от них еле различимо.

«Малы-то малы, – думал Захар, глядя на детенышей, – а гадки – хуже некуда. Мы, зюзи, тоже не подарок, да и какую нечисть ни возьми – она нечисть и есть. Но вот это, – он еще раз просканировал приплод, – даже для нас слишком. Права Зойка – ошибка Высших».

С джинном бы про это потолковать... Джинны – они не то чтобы Высшие, но и не мы... А может, и Высшие... Павшие какие-нибудь... О джиннах мало что известно...

Ладно, это все потом. А сейчас – зачистка. Тварь, конечно, сильно пострадала в бою, она испугана и бежала очертя голову, но рано или поздно опомнится. И инстинкт приведет ее сюда, к потомству. Причем скоро, самое позднее – завтра. За это время каркаладила сами не сдохнут, и родитель их выкормит, вырастит, выпустит в мир.

Захар содрогнулся. Припомнился фрагмент из рассказа учителя: каркаладилы обожают селиться в кровавых застенках, в пыточных, в тайных тюрьмах. И если появится где это мерзкое создание, то домовый, какой бы он ни был толстокожий – а в таких зданиях домовые только толстокожие и обитают, – уходит без оглядки.

Шесть гаденышей... Впрочем, кажется, остаться должен один, остальных, кто слабее, родитель пожирает. Фу... Одного такого – тоже много.

Захар решительно вытянул руки. Сосредоточился. Начали.

Невидимо светящееся место, окруженное кустами, начало чернеть. Свернулись листья, пожухла трава. Пискнуло раз... другой... третий...

Захар добавил холода. Еще трижды пискнуло. Всё.

Он развернулся и побрел к Зое.

6

Злата приходит в себя. Первое, что она чувствует, – холод. Злата дрожит всем телом. Потом пытается вспомнить. Что-то страшное случилось с ней... или не случилось? Может, заснула и кошмар приснился?

Девочка осознаёт, что лежит на скользкой тропинке. Прямо в грязи. Лицом вниз. Она делает движение, тихо стонет, пытается встать. Тело слушается плохо.

Кто-то помогает ей. Руки прохладные, но это почему-то даже приятно. Женские руки, ласковые.

Злата кое-как поднимается.

Какая красивая тетя! На маму похожа... Злата молча плачет.

– Всё в порядке, – говорит тетя.

Голос добрый, хочется ей верить. И Злата верит.

– Вы кто? – спрашивает она, едва ворочая языком.

– Мое имя Зоя, – отвечает тетя. – А сейчас еще Захар придет. Тебя-то как зовут, Бело-снежка?

– З-з-злата, – говорит девочка.

Подходит незнакомый мужчина.

– Что, Захар? – спрашивает тетя Зоя.

Он мрачно кивает.

– А ты представляешь, – произносит тетя Зоя, – ее зовут Злата. Тоже на «зэ». Это судьба.

– Думаешь? – сомневается дядя Захар.

– Уверена. Посмотри на нее. Светлые волосы, светлые глаза. И имя на «зэ».

Дядя Захар долго смотрит на Злату. Потом закрывает глаза – но девочка чувствует, что по-прежнему смотрит.

– Пожалуй, – неохотно соглашается он. – Эх, перемены неожиданные...

– А я тебе говорю: судьба, – настойчиво произносит тетя Зоя.

Злата вдруг разражается рыданиями и утыкается тете Зое в живот.

– Не плачь, – говорит добрая красавица. – Все позади. Все твои беды позади. Фигурным катанием хочешь заниматься? Я тренер, а Захар лед делает...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.